

Андрей Кутерницкий

**СНЫ НАД
БЕЗДНОЙ**

Андрей Кутерницкий

Сны над бездной

«Геликон Плюс»

2019

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Кутерницкий А. Д.

Сны над бездной / А. Д. Кутерницкий — «Геликон Плюс», 2019

ISBN 978-5-00098-239-6

Нарушение орбиты одного из небесных тел вызывает серию страшных катаклизмов. Мир, который мы знали – уходит в небытие. Массовая истерия охватывает города. Люди мечтают, пытаются найти спасение. Двое – старик и мальчик-подросток – бегут из хаоса трагедии на парусной яхте в океан. Но картины разрушенных городов меркнут перед тем, что открывается глазам беглецов в океане.

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-239-6

© Кутерницкий А. Д., 2019
© Геликон Плюс, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Кутерницкий

Сны над бездной

© Кутерницкий А., текст, 2019

© «Геликон Плюс», оформление, 2019

* * *

Не ищите в этом повествовании правды жизни. Не задавайтесь вопросами, почему произошло так, а не иначе, как вы этого не делаете в своем сне. Просто войдите в него и осмотритесь, пока он не растаял навсегда.

Куда ж нам плыть?..
А. С. Пушкин.

Часть первая

Глава 1

Обычно спуск в лифте длился считанные секунды – лифт, как и во всех высотных домах, был скоростной, а квартира, в которой жил мальчик-подросток, находилась лишь на двенадцатом этаже, – но сейчас вечность прошла с того момента, как ступили мальчик и старик в кабину, а она все неслась безостановочно вниз.

«Это потому, что всегда мы разговариваем, когда едем в лифте, – подумал мальчик, – а теперь спускаемся молча».

Было слышно, как вверху все глуше, удаленнее гудит электромотор, невидимая железная лапа вдруг задевала о стенки кабины, царапала ее когтями, и мальчику представилось, будто они проскочили первый этаж и погружаются в темный колодец без дна. Он увидел бесконечной глубины узкую бетонную шахту и крохотную деревянную кабину, тонкостенную, хрупкую, неудержимо летящую в черноту...

«Сейчас остановится!» – загадал он и закрыл глаза. Он любил испытывать головокружительное состояние легкости, всякий раз возникавшее от плавной, но стремительной быстроты, с которой кабина останавливалась. «Сейчас!» – приказал он нетерпеливо. Но кабина продолжала проваливаться, уже совершенно точно пролетев и первый этаж, и цоколь здания, и подвал.

Мальчик быстро поднял веки, увидел отражение своего лица в настенном зеркале, увидел рядом отражение старика, который стоял в болезненном оцепенении, запрокинув назад голову.

И под сердцем у мальчика сделалось пусто.

«Так вот как это случается! – животом почувствовал он. – Вот как выглядит конец жизни!»

Ему захотелось схватить старика за рукав тонкого шерстяного свитера, дернуть что есть силы – только бы он очнулся и сказал хоть слово.

«Но это невозможно, чтобы меня сейчас не стало!» – подумал мальчик.

И, подтверждая его мысль, кнопка с цифрой «1» зажглась изнутри, квадратный пол кабины надавил снизу вверх на ступни ног, и автоматические двери разлетелись в стороны.

Лестничная площадка и холл были залиты сквозь громадное стекло яркими лучами солнца.

И после мертвого искусственного света, который был в кабине лифта, этот сильный солнечный свет показался мальчику живым.

Мальчик сделал несколько шагов и только теперь услышал, как звонко стучит его сердце.

«Ого, как я испугался! – подумал он. – И не глупо ли теперь чего-либо бояться? Это потому, что будет больно. Я знаю. Одну секунду. Но так, как нельзя вытерпеть. Все потому и бояться».

Однако было в том внезапном ужасе, пережитом в кабине лифта, и нечто настолько приятное, что мальчик с удивлением почувствовал – ему хотелось бы испытать это снова.

«Как прикосновение к руке Изабель...» – подумал он.

Лицо девушки-школьницы возникло на тусклом сером металле. Впрочем, даже не лицо, а сначала один взгляд, внимательные темно-карие глаза, но не переливчатые с бликами, а как бы густые, наполненные незримым веществом ее взгляда. Взгляд исходил из такой далекой глубины, что мальчик понял – там, откуда исходит взгляд, уже не глаза, а сама Изабель. А что значит: сама Изабель? Этого нельзя было понять ни умом, ни сердцем, а только все хотелось непрерывно смотреть в ее глаза, идти, уходить по открывшемуся пути ее взгляда в ту влекущую бесконечность, которая и была названа ее именем. Имя и бесконечность – было одно и то же.

И тут мальчик осознал, что он уже не идет вслед за стариком, а остановился и смотрит на выкрашенные серо-стальной краской железные блоки почтовых ящиков.

Мальчик сунул палец в смотровую дыру ящика. Он все еще ждал письмо, хотя и знал почти наверняка – она не напишет ему. И все-таки каждый день он с волнением совал палец в смотровую дыру ящика, и ему казалось, что вера, живущая в кончике пальца, однажды сотворит для него это письмо.

– Там ничего нет! – услышал мальчик раздраженный голос старика. – Газеты не вышли!

И одновременно с голосом он ощутил в ящике пустоту. Но ему почувствовалось, что, если бы старик не сказал: «Там ничего нет!» – палец непременно наткнулся бы на прохладную плоскость конверта, и именно голос старика отобрал у него письмо от Изабель. А на самом деле письмо было, и как раз сегодня.

Они вышли во двор и зашагали в сторону арки.

Разновысокие белые дома, стоявшие ровными прямыми линиями, замыкали собою квадрат. Всё в расположении этих домов и в самих домах было прямолинейным и прямоугольным – присоединение одного корпуса к другому, торцы глухих стен, ряды окон, балконов, сами окна и балконы, карнизы, линии фундаментов и крыш, наконец, тени на стенах и на асфальте, – нигде нельзя было заметить изгиб, круг, овал. И потому так манила к себе декоративная легкая арка, перекинутая в южной стороне этого огромного квадрата на уровне шестнадцатого этажа от одного корпуса к другому. Под ее воздушным сводом легко проносились чайки. Она привлекала взгляд еще и потому, что все пространство под нею было заполнено ярким блестящим небом.

Посреди двора возвышалось здание детского сада, окруженное зеленью кустов шиповника. В деревянной песочнице малыши строили из песка город. Они играли одни, без присмотра взрослых, и казались со стороны маленьким самостоятельным народом. Никто не кричал, и не было слышно, чтобы кто-нибудь плакал.

– Фома, куда мы идем? – спросил мальчик старика, стараясь подладиться под его быстрый широкий шаг.

– Вперед, – мрачно ответил старик.

И мальчик понял: больше спрашивать не надо.

«Его можно понять, – рассудил мальчик. – Я все же притерпелся. А ему с его гордостью!.. Он приезжает к нам только раз в неделю. В конце концов, это его квартира. Конечно, они нас просто вытурили. Дали понять: вы сейчас лишние!»

И опять он увидел, как в коридорчике между спальней и кухней, уже совсем не стесняясь чужого присутствия, господин Сугутов прижимал к себе маму, обхватив ее могучей рукой за гибкую талию. И мама улыбалась и не противилась насилию его руки.

На площадке для занятий спортом рыхлый, нескладного телосложения мужчина подтягивался на турнике. После каждого подтягивания он отирал с лица и лысины пот, а потом ходил вокруг турника, устало взмахивая слабыми руками.

– Но ты собой жертвовал! – не сбавляя крутого скорого шага, громко произнес старик. – Если бы при тебе стали мучить человека, которого ты любишь, твою прекрасную мать, ты смог бы не вмешаться? – произнес он никому, во всяком случае, не мальчику и не самому себе.

В последние месяцы он часто начинал разговаривать ни с кем. Всегда неожиданно. И от этого его направленная к кому-то речь обретала жутковатый оттенок, словно тот, с кем он разговаривал, существовал на самом деле, но только был невидим и находился рядом с ним, может, прямо перед его глазами.

Поначалу мальчик пугался этих внезапных изречений, думая, что старик сходит с ума – его высказывания почти всегда были непонятны мальчику, – но теперь он привык: какая разница, если даже старик рехнулся. Все ведут себя странно, у многих изменились походка и голос. Тот слабосильный на турнике – разве не сумасшедший? Но все же – и мальчик чувствовал

это – какой-то особенный, спрятанный от его разума смысл всегда присутствовал в словах старика, и не по себе ему становилось именно оттого, что он наличие этого смысла улавливал.

«С наступлением дня город становится пустой, – продолжил мальчик свои мысли. – Раньше отовсюду доносилась музыка. Теперь музыки нет. И взрослых людей почти не видно. Почему они не хотят выходить на улицу днем? А выходят только вечером, когда сядет солнце и появится Луна. словно им легче делается оттого, что они видят ее...»

И сейчас же память вернула ему ночные крики. Их было так много ночью! Как будто из кричащего человека что-то стремилось вырваться на свободу и этому человеку хотелось, чтобы все услышали его, все узнали о нем, и, главное, она, Луна, услышала бы и узнала, что он жив.

«И вот что еще случилось!» – понял мальчик, и при мысли об этом у него похолодело внизу живота и во рту появился терпкий вяжущий привкус, словно он надкусил неспелую вишню, – девочки-подростки стали разрешать прикасаться к ним. И глаза у девочек в такие минуты делались совсем другие – темные, стоячие, а лицо каменело.

Мальчик догадывался, что означает эта застывшая неподвижность мускулов лица.

Они вошли в промежуток между двумя высокими глухими стенами.

Здрав голову кверху, продолжая все так же быстро идти, мальчик стал следить за тем, как в высоте, в голубизне неба, медленно поворачиваясь и увлекая за собой громады зданий, проплывает над ним темная изогнутая арка.

И сразу открылись взору приморские кварталы. Плоскость воды еще не угляживалась с этого места – был отлив, к тому же приморская часть города лежала на низкой песчаной банке, и, для того чтобы увидеть горизонт, надо было либо взобраться по каменным ступеням на галерею торгового центра, либо подойти к берегу ближе. Но внезапные обрывы бегущих как бы в пустоту улиц и далее свободное пространство небосвода, хаотично заполненное множеством облаков, между которыми реял летучий, отраженный от воды свет, и сегодня сказали мальчику: там – море!

Однако грудь его не наполнилась вольным ветром...

Молча они пересекли мостовую и зашагали вдоль русла искусственно спрямленной реки. Пустое русло было заковано в гранит.

«Отливы и приливы с каждым днем становятся сильнее», – отметил мальчик, глядя на облепленную нефтью студенистую тину, которой было выслано дно реки.

Посредине русла, словно обломок железного скелета, торчком стояла автомобильная выхлопная труба с глушителем.

Старик замедлил шаги, и некоторое время они шли с каждым новым пройденным шагом всё медленнее, пока не остановились.

Старик сунул руки в карманы широких полотняных брюк и из-под бровей хмуро огляделся.

Дышал он тяжело – мальчик видел это, – но, конечно, задыхался не от быстрой ходьбы, а от душившего его негодования. Старик был крепок, несмотря на свои семьдесят лет. До сих пор у него оставалась поджарая мускулистая фигура, и если увидеть его издали со спины, посмотреть, как он идет, стройный, легкий, прямой, и не знать, что под одеждой кожа на всем его теле изуродована ожогами, то можно было подумать, что это – молодой человек. Но его длинные, уже не такие густые, как прежде, волосы были белы как снег. И лицо у него было стариковское, темное, с множеством морщин, неряшливо обросшее жесткой седой бородкой.

Оглушив старика и мальчика свистом турбин, над руслом пронесся маленький, ярко раскрашенный вертолетик, блестя стеклами кабины и краями лопастей винта, пронесся низко, опережая свою кривую, скользкую по берегу тень, достиг залива, резко взмыл вверх и, заложив вираж, полетел к вертолетной стоянке.

Мальчик проводил его восхищенными глазами. Мысленно он проделал все движения рукоятью управления вертолетом, которые требовалось совершить, чтобы выполнить такой маневр.

Залив открылся их взглядам внезапно.

Они подошли к каменной лестнице Центрального спуска к воде, украшенного барельефами и статуями.

Старик опустил на теплые ступени и властно сказал:

– Здесь посидим!

Мальчик сел с ним рядом.

Линия прибойя пролегла метрах в ста пятидесяти от гранитной оправы берега. Из месива тины и липких водорослей дыбились куски двутавровых балок, арматурные прутья, торчали ломаные кирпичи, круги автомобильных шин; красный морской буй, принесенный, очевидно, предыдущим приливом, неподвижно покоился на мели... А далее – ослепительно горела плоская вода.

Набережная была пуста на всем широком изгибе. И тиха. Это была, пожалуй, не тишина, а противоестественное для многомиллионного города безмолвие. Оно не нарушалось даже ровным дыханием моря. И, ощущая его, было трудно представить, что через несколько часов сюда начнут стекаться жители из всех городских районов, будут приезжать десятками тысяч, чтобы провести на нескольких километрах морской набережной половину ночи и спешно разойтись, как только диск Луны покатится вниз и каждое человеческое сердце настороженно почует близость рассветного часа.

Старик и мальчик сидели одни на краю города у начала моря.

Старик смотрел на далекую воду. Перед ним в густом сверкании воздуха появлялось и пропадало человеческое лицо, и лицо было все одно и то же. И вглядываясь в линии этого красивого женского лица, старик жаждал изгнать это лицо из своей зрительной памяти, чтобы лица этого в ней больше не было и чтобы никогда уже оно не могло явиться к нему снова. Но, затемнившись, лицо возвращалось – яркое, неуничтожимое. Сердце старика начинало учащенно биться, и гнев делал дыхание затрудненным.

Но всего сильнее мучился старик даже не от собственно ненавистного ему лица этой женщины, а от того, что никакими усилиями не мог расстаться с ним и понимал, что в эту минуту виновато, разумеется, не лицо, а он сам. Тем виноват, что ненавистью, неутоленным желанием возмездия – хотя в чем могло выразиться такое возмездие? – он сам вызывает его в поток своего гнева.

«Откуда столько разрушительной силы в заурядной шлюхе, плохой матери, посредственной танцовщице из бульварного мюзик-холла? – думал старик. – Ей мало было жизни моего сына. Я знаю, его убило не море. Его погубили ее красота и ее нелюбовь, от которых он бежал и к которым возвращался. Теперь она калечит жизнь моего внука. Грязь окружает мальчика днем и ночью. А он все понимает. Вот он молча сидит рядом, темноглазый, притихший, в выцветшей рубашке и поношенных джинсах, с шелковым девичьим шарфиком, аккуратно повязанным вокруг шеи, печальный, так рано повзрослевший, и сердце мое трепещет от любви к нему и от страха потерять его!..»

А мальчик размышлял о своем.

Не зная, чем занять себя, он достал из кармана маленький электронный калькулятор в черном бархатном чехольчике, не спеша снял чехольчик – его взгляд и теперь обрадовался тусклому блеску легкой матовой пластины с темным табло и пятью рядами упругих, приятных для осязания кнопок, – и направил окошко калькулятора на солнечный свет.

На табло вспыхнул прямоугольный ноль.

Поочередно нажимая пальцем кнопки, мальчик начал набирать цифры и множить их.

«А что, если письмо от Изабель лежит где-нибудь на почте? – подумал он. – В ящике или в мешке?»

И опять она незамедлительно явилась к нему. Будто переливчатые звуки арфы рассыпались над морем. Изабель встала чуть поодаль, повернувшись к нему в полупрофиль, но он не увидел черт ее лица и красок платья, а только силуэт ее фигурки, потому что она встала между ним и горящим солнцем. Она стояла не на земле, не на воде и даже не в воздухе, а в мерцающей густоте света, словно подножием ей служила невидимая твердь. И сама она была насквозь просвечена лучами, но при том, что просвечена, – жива. Куда бы мальчик ни переводил свой взгляд, девушка-подросток переносилась вместе с его взглядом.

Вот уже месяц их семья снова жила в Риме. Мать Изабель боготворила эту страну. Но теперь их гнал страх. Они бежали отсюда, потому что боялись Луны. И они не были единственными. Многие состоятельные люди надеялись, что если покинут ту географическую точку, в которой находятся, то спасутся. Каждому чудилось, будто глыба ударит именно в это место. И летели самолеты из Европы в Африку, из Америки в Австралию. Как будто в другом месте, в другой географической точке планеты могла быть какая-то иная жизнь, а значит, и другие ее законы. Семья Изабель уехала с такой надеждой.

«Но Изабель не хотела уезжать, – сказал мальчик сам себе и возразил: – Вру! Хотела. Ей тоже надоел этот город, холодный зимой и дождливый летом. И вся штука в том и заключается, что больше всего я хотел поехать с ними! Но кто бы меня взял? И разве мог я что-нибудь изменить? От меня ничего не зависело, – он вздохнул и задумался. – Рим... Я никогда не был в Италии. И не буду уже».

Он посмотрел в глубину пространства над заливом, туда, где дрожащей огненной лентой тек горизонт, потом – на число, которое светилось на табло калькулятора.

«Буду! – вдруг сказал он, расправив плечи. – Разве может случиться, чтобы существовало такое место на Земле, о котором я мог бы сказать, что я там никогда не буду? То есть совершенно никогда, хоть всю мою жизнь проживу! Нет, – ответил он. – И я еще поеду в город Рим! Я поеду к ней!»

«Но откуда мне известно это? – смутился он, ибо сейчас он знал совершенно точно, что очень скоро окажется в Риме. – Ведь я понимаю и другое: я никогда не пройду по улицам Рима. Не хватит времени. И все равно я знаю: так будет! И вот почему: потому что я хочу этого! Потому что я знал это всегда! Потому что иначе зачем же я об этом думаю?»

Неожиданно мысль его оборвалась.

Некоторое время он сидел в мучительном состоянии отрешенности от города, старика, от яркого солнечного дня, не понимая, что с ним происходит, а помня лишь, что еще секунду назад душа его была полна светом и радостью и сам он был где-то очень далеко и видел там свою будущую жизнь.

«Мы здесь сейчас не случайно одни-единственные», – вдруг почувствовал он.

Поверхность кожи лица и рук ощутила внезапное тугое перемещение воздуха, словно залив дохнул на него: бескра-а-ен!!!

«Рим! – вспомнил он. – Изабель ходит по гладким каменным тротуарам, шелкая каблучками. На ней яркое длинное платье в разноцветных узорах – переплетения голубых, шоколадных, оранжевых и красных линий, которое отец купил ей в Париже в дорогом магазине, и все девочки в школе завидовали ей, в моем любимом шелковом платье. Оно такое просторное книзу, что, когда она кружится, юбка делается как колокол и видны ее тонкие загорелые ноги».

– Изабель! – неслышно позвал он одними губами.

И сейчас же его взгляд стал необитаем – она ушла из его взгляда.

«Конечно, она не написала, – понял он с горечью. – Скорее всего, вообще забыла обо мне. Познакомилась с кем-нибудь – там ведь много отличных парней – и сидит в уличном кафе, пьет сок манго из стеклянного стакана. И на нее смотрит кто-то другой. Не я».

Над заливом плыли облака. Они медленно двигались в синих воздушных волнах, не зная ни разлук, ни страданий.

И глядя на них, мальчик затосковал.

«Оставь на земле печаль твою, – внушали они, – стань облаком и лети вместе с нами! Все откроется тебе из бездны неба, все станет твоим, потому что твоего больше ничего не будет».

«Но мне больно! – отвечал мальчик. – Я не смогу оттолкнуться, чтобы взлететь».

– Ты ее любишь? – спросил старик.

– Да, – ответил мальчик.

– За что?

– Она – красивая, – сознался мальчик смущенно.

И сейчас же радость осветила его сердце – старик угадал его мысли об Изабель!

Ощущение одиночества разом пропало. Ему захотелось поговорить со стариком.

– Знаешь, Фома! – порывисто начал он. – Конечно, того, что будет, не увидит никто. Но если бы залезть в самый прочный скафандр? И иметь запас воздуха и еды на целый год!..

– Ты хотел бы стать последним? – спросил старик.

Мальчик задумался.

– Я не знаю, – ответил он и смело добавил: – Да.

– А не испугаешься? Ни единой живой души!

Мальчик пожал плечами. Ему вдруг стало стыдно. Но из-за чего стыдно, он не понял.

Далеко за их спинами возник из безмолвия рокот мощных моторов. Сидящие на воде чайки шумно взлетели и унеслись в горячее марево солнца.

Обернувшись, мальчик увидел, как два зеленых приземистых танка, разрисованных камуфляжными пятнами, остановились в отдалении, параллельно устремив стволы орудий в сторону залива.

«Загорать приехали, – подумал мальчик. – Опять рыжий нагишом будет».

– Что означает это число? – спросил старик, искоса глянув на табло калькулятора.

– Столько раз еще ударит мое сердце. Но теперь уже меньше, – ответил мальчик.

– Это неверно, – произнес старик мрачно.

И отвернулся.

– По ТВ все время говорят, что перед вечностью нет разницы – сто лет прожить или один год, – сказал мальчик, покачивая в руке гладкую пластину калькулятора и посылая ею на мраморного атлета солнечный зайчик. – Говорить легко. Ты прожил семьдесят лет, а я – четырнадцать. Это... – он быстро набрал числа на калькуляторе. – Пять моих жизней.

– Ну и что? – сухо сказал старик. – Только одну твою первую я и был счастлив.

Не поворачивая к внуку лица, он громко спросил:

– Значит, можно любить человека только за то, что он красив?

Мальчик таинственно улыбнулся и кивнул.

– Даже когда она пьяная? – быстро спросил старик, боковым зрением увидев его кивок.

Мысли мальчика спутались...

«Фома не об Изабель, о моей маме спрашивал!» – понял он.

Не зная, что ответить, он сказал тихо:

– Она потом плачет.

Более старик не задавал ему вопросов.

Вдруг вспомнилось мальчику одно радостное обстоятельство, которое еще совсем недавно занимало его мысли. Не доверяя счастью, он все подходил к дверному косяку, прижимался к нему пятками ног, спиной и затылком и сверху накладывал на голову распрямленную ладонь, а потом, не отрывая ладонь от косяка, поворачивался к нему лицом и проверял: действительно ли он вырос за последние два месяца на четыре сантиметра?

«Я и сейчас расту», – подумал мальчик.

Он набрал на калькуляторе число 4, разделил его на 60...

Перед самыми его глазами появилась белая от ожогов кисть Фомы.

Старик взял калькулятор из рук мальчика и швырнул пластину в залив.

Бросок был очень сильный. Блеснув в огне воздуха, пластина беззвучно исчезла в студеной тине.

– Не умирай при жизни! – гневно крикнул старик, поднялся со ступеней и пошел прочь.

Мальчик растерянно посмотрел туда, где скрылась пластина, потом на пустой и теперь совершенно бесполезный чехольчик и, оглядываясь на залив, поспешил следом.

Танкисты загорали на газоне, подстелив под себя суконные казарменные одеяла. Один – коричнево-черный мускулистый негр в красных плавочках и соломенной шляпе, сдвинутой на затылок, лежал на животе, уткнувшись лицом в сложенные руки. Другой – рыхлый, с широкой, поросшей рыжими волосами грудной клеткой и толстыми ножищами – распластался совершенно голый на спине, нарочно напоказ вывалив на белые ляжки темную, чудовищных размеров мошну. Его глаза были закрыты узкими черными очками, и небритое лицо блаженно улыбалось. Экипаж соседней машины с гиканьем и матом резался в карты.

От танков веяло соляжкой, гарью и порохом. Но всего острее был удушливый запах металла. Он отягощал воздух, заглушая собою нежный дух травы.

«Хорошо, что я заметил место, где упал калькулятор, – подумал мальчик. – Там торчит руль от велосипеда. Надо успеть найти его до начала прилива».

Снова зашагали они вдоль пустого русла реки, но уже по другому ее берегу, мимо громоздких серых небоскребов.

Небоскребы возвышались над землей на многочисленных железобетонных ногах-опорах – очевидно, архитектор хотел такой конструкцией придать сооружениям легкость, но произошло обратное: именно эти тонкие, несоизмеримые с объемами зданий опоры концентрировали в себе всю их тяжесть, а походящие на амбразуры окна с прочными металлическими рамами придавали домам тюремный вид.

Шла навстречу, не касаясь тротуара светлыми туфельками, одна-единственная на всем протяжении набережной, молодая женщина в длинной до щиколоток зеленой юбке и бледно-розовой блузке с крылатыми рукавами. Ее черные волосы были перевязаны лентой. Время от времени она с силой толкала вперед от себя детскую коляску, чтобы коляска от толчка укатилась подальше, а потом догоняла ее, делала ребенку знаки руками и опять отталкивала от себя коляску.

Нежная тоска окутала сердце мальчика, и ему захотелось, чтобы эта тоска никогда не покидала его.

«Ангелы...» – понял он.

Вдруг мгновенно стемнело, и со звоном посыпались на асфальт крупные капли дождя.

Мальчик поглядел вверх.

Над крышей небоскреба горели в воздухе три ярких сияния. Белизна их была особенно чиста и пламенна на фоне черно-фиолетовой тучи, выползшей из-за верхней кромки небоскреба.

Тоска и ангелы были как-то связаны между собой. Если бы кто-либо попросил его объяснить словами – что такое эта тоска, он ни за что не смог бы этого сделать, он только чувствовал, что если она продлится еще хоть немного – он не выдержит и превратится в сияющий ветер.

Старик тоже посмотрел вверх, и мальчик подумал, что сейчас старик удивленно скажет ему: «Взгляни!» – но старик опустил голову, ничего не сказав.

Дождь превратился в ливень. Воздушное пространство стремительно заполнилось густым мокрым шумом. Мальчик и старик укрылись под гигантской тушей небоскреба. Затянув коляску клеенчатым пологом, прокатывая ее через кипящие лужи и по липкому газону, женщина спешила сюда же с другой стороны.

Вмиг промокнувшая до нитки, она вбежала под брюхо небоскреба, и воздух вокруг мальчика ожил от ее легкого дыхания. Ей было не больше шестнадцати лет.

Как она была красива!

Отерев ладонями мокрое лицо, она освободила волосы от ленты и, опираясь рукой на шершавую плоскость бетонной опоры, поочередно выставила под струи дождя одну и другую ногу. Она смывала с заляпанных туфель грязь, не снимая туфель с ног. Улыбка не переставая блуждала по ее лицу, исходя из ямочек в уголках губ и поднимаясь к уголкам глаз.

В коляске захныкал младенец.

Юная мать, однако, не повернула головы на его зов.

Младенец заголосил.

– Он заплакал, – сказал мальчик женщине.

Распрямив тонкий стан, она гибкими пальцами начала поправлять на талии намокшую юбку.

Мальчик приблизился к женщине и тронул рукав ее влажной, прилипшей к телу блузки.

– Плачет... – смущаясь близости ее глаз, прошептал он.

Юная женщина подбежала к коляске, вынула запеленутого младенца и, производя горлом высокие крикливые звуки, принялась укачивать его на худых длинных руках.

А мальчик понял, что она глухонемая. И что он... уже любит ее.

Старик слушал дождь. Его чуткое ухо различало одновременно и общий тяжелый шум ливня, и отрывистое падение каждой капли. И вдыхая чистый запах дождя, старик ощутил необходимость задать себе вопрос: что значит это мгновение в его длинной жизни? И что особенное заложено в совокупности громады небоскреба с шумом ливня и с ними, четырьмя живыми душами, укрывшимися под тридцатью бетонными этажами, – с ним, стариком, с мальчиком, с этой убогой молодой матерью, очевидно, столь же несчастной, сколь и некрасивой, и с беспечным младенцем? Старик из опыта знал – искать ответ на этот вопрос не надо; ответом является то именно, что он сумел вдруг почувствовать исключительность этого мгновенья. Так уже неоднократно бывало в его жизни – это был не вопрос разума, а движение души.

Неожиданно пространство, в котором шумел ливень, ответило старику чудесной тишиной. Старик очнулся и увидел, что дождь кончился и все вокруг блещет в солнечных лучах.

Черная туча удалялась. Невдалеке от небоскреба плыла над тротуаром, двоясь в мокром асфальте белым, розовым и изумрудным пятнами, юная женщина с детской коляской.

«Он, наверное, голоден, – подумал старик, взглянув на мальчика. – Разумеется, голоден. Как же я до сих пор не подумал об этом!»

– Что ты ел сегодня утром? – спросил он, испытывая особенное болезненное счастье от того, что ему дано право заботиться о мальчике.

– Я не помню, – ответил мальчик. – Хлеб с сыром.

– Пообедаем в «Викинге»?

Вновь вышли они на морскую набережную.

В километре от них на округлом мысе, выступающем в море, громоздился, словно айсберг, разрушенный колосс морского вокзала с обломком торчащей над ним башни. Башня изначально была стометровой высоты; наверху ее находился ресторан, в котором был вращающийся пол, чтобы посетителям поочередно открывался вид и на залив, и на город. Но месяц назад во время землетрясения часть высотных зданий и старых построек рухнула и было затоплено городское метро. В тот день впервые погибло много людей, и началась всеобщая паника. Выли сирены, носились «скорые». Толпы горожан в страхе стали покидать город. Но везде они увидели ту же картину. И они вернулись, еще более напуганные. Башня морского вокзала тоже не устояла и обвалилась на его крышу, погубив всех, кто находился в ресторане и офисах, и падением разрушив перекрытия морского вокзала.

Но возле главного входа на причалы сверкала полусферическая стекляшка «Викинга». Этих маленьких дешевых ресторанчиков концерна «Викинг» было разбросано по городу множество. И хотя первоначально у каждого из них было свое название, жители города стали называть их «Викингами».

Старик по-прежнему молчал, но походка его вновь стала легкой, и во всей его спортивной фигуре чувствовались сила и уверенность.

Набережная, по которой они быстро шли, широчайшей дугой изгибалась вправо. Стены домов на всем протяжении пути были исписаны и разрисованы мелом, углем и краской. В нескончаемом нагромождении граффити, рисунков и надписей можно было проследить всю историю человечества. Наскальные мамонты соседствовали с персонажами комиксов, фашистские свастики – со звездами Давида, объяснения в любви – с площадной бранью. Тут и там накиданы были кучи мусора, валялись вразброс упаковочные коробки, ломаные доски, банки из-под пива, белые одноразовые шприцы с грязными иглами, апельсиновая кожура, бумажные и целлофановые обертки от шоколада и жевательной резины, пустые гильзы от патронов автоматического оружия, пачки от сигарет. Возле разбитых витрин аптеки по тротуару вился размотанный марлевый бинт.

– Какие у тебя планы на ближайшие дни? – вдруг спросил старик.

– Никаких нет, – растерянно ответил мальчик.

– А у нее с... этим?

Мальчик понял: у матери с господином Сугутовым.

– Я не знаю, – ответил он.

– Она тебе ни о чем не говорила?

– Нет.

Мальчик подумал, что старик продолжит вопросы, – ведь не случайно он спросил сначала о его собственных планах, а потом о планах матери и господина Сугутова, но как неожиданно старик заговорил вдруг, так же неожиданно замолчал. И до «Викинга» они дошли молча.

Под прозрачным стеклянным колпаком, с одной стороны которого мрачно высилось полуразрушенное здание вокзала, а с другой открывались морской простор и разломленные трещинами причалы, было почти пусто. И очень тихо. Так тихо, что отчетливо слышался любой самый робкий звук. Четыре посетителя сидели в разных местах круглого зала далеко друг от друга. И то, что они сидели разрозненно, усиливало ощущение тишины.

Старик выбрал двухместный столик с мористой стороны зала у самого стекла. Официант выслушал «заказ», молча удалился, принес им кушанье – гороховый суп, бефстроганов и яблочный сок; в «Викингах» еда была простая – три вида супов, три вида вторых блюд, чай, сок, кофе и алкоголь; и каждый посетитель из этих блюд и напитков мог составить по своему вкусу обед или ужин... И так же бессловесно, сразу же получив плату, официант исчез. Старик отметил косым взглядом, как неуверенно переставлял он ноги, плывя по проходу между столиками, и, вспоминая стоячий взгляд его водянистых глаз, понял, что официант – наркоман.

И сейчас же старик забыл о нем. С того момента, как он решил накормить мальчика, то есть позаботиться о нем, потому что матери нет до него дела, в уме старика мелькнула странная мысль. Вспыхнув, она мгновенно погасла, однако вскоре затеплилась снова, стала стремительно разгораться, все яростнее высвечивая впереди новую, удивительную жизнь, о которой он прежде не подозревал.

Мальчик ел быстро – он действительно был голоден, и старик старался не смотреть на него, чтобы не смущать своим взглядом, но сердце его томилось от теплоты и нежности к внуку.

– Скажи, ты хотел бы пойти со мной в море? – спросил старик мальчика, не глядя на него и продолжая есть.

– Конечно! – мгновенно ответил мальчик. – А когда?

– Послезавтра.

– На форты? – спросил мальчик.

– Тебе хотелось бы на форты?

– Да! – воскликнул мальчик. – Очень хотелось бы!

И лицо его просияло.

– А если дальше? – спросил старик.

– В шхеры?

– Дальше.

– Дальше залива? В само море?

Некоторое время старик молчал.

– Ты был когда-нибудь в океане? – спросил он.

– Нет. Ни разу, – ответил потрясенный мальчик.

– Вот что, – сказал старик, – сейчас мы пойдем к Арсену, проведем у него день и переночуем. А завтра начнем собираться в дорогу. Но ты можешь передумать, если захочешь.

– Что ты, Фома! Я ни за что не передумаю! – воскликнул мальчик, коснувшись пальцами руки старика.

Мальчик и старик покинули стеклянную полусферу «Викинга» и под ярким синим небом пошли по морской набережной к дому, в котором жил Арсен.

Они оставили позади полтора квартала, когда за их спинами раздался высокий хриплый голос:

– Остановитесь! Я прошу! Я требую!

В этом сорванном голосе звучали мольба и отчаянье.

Обернувшись, мальчик и старик увидели мужчину лет сорока пяти, до горбатости сутулого и непропорционально длинноногого. В полосатой домашней пижаме и тапках на босую ступню, он неловко семенил за ними.

– Я не спал всю ночь. Да. И весь день, – быстро заговорил он. В его впалых, упрятанных под густыми бровями глазах переливчато двигались две большие золотые капли. – Этого не выдержит никакая психика! Они кричали всю ночь! Рыдали! Выли! Я знаю: у меня навязчивые идеи. То есть я сам знаю, что я болен. Но если я это понимаю, значит, какая-то часть моего рассудка здорова?

Он вопросительно заглянул в лицо сначала мальчику, потом старику.

– Скажите, – тихо промолвил он, – ведь это всё... – он осекся и шепотом произнес: – С Луной... Выдумки?.. Ведь этого не может быть? Я математик. Я сделал расчеты.

– Разумеется, – спокойно ответил старик. – Возвращайтесь домой, сварите кофе и возьмите хорошую книгу.

Несколько секунд мужчина стоял неподвижно, только густые кустистые брови его шевелились. Вдруг он усмехнулся.

– Я знал, что этого нет на самом деле, – сказал он уже твердым, спокойным, даже хвастливым голосом. – Да. Математика! У меня так расшатались нервы! Но теперь я вижу ясно. Мне сразу понравились ваши лица. Это просто массовая галлюцинация! У всех до одного! Психоз миллионов!..

Он не закончил фразу, задумчиво побрел к подъезду дома, из которого, очевидно, только что выбежал, но перед дверью внезапно обернулся, блеснул горящими глазами и торжественно изрек:

– Гомера читать буду!

Это было странно, почти неправдоподобно – фонтаны у здания отеля «Золотая звезда» работали. Сам отель был пуст и черен от копоти – он сгорел полностью еще до памятного землетрясения, но из концевиков труб, расставленных в шахматном порядке перед гранитными ступенями входа в отель, били вверх сильные струи чистой прозрачной воды и с шумом ниспадали в два прямоугольных бассейна.

Пройдя по набережной еще немного, старик и мальчик свернули в подъезд последнего перед вертолетной стоянкой дома. Бесшумный лифт вознес их на четырнадцатый этаж.

Глава 2

Арсен был по возрасту такой же старик, как и Фома, но внешне нельзя было бы найти двух более разных людей. Фома был строен телом, беловолос и легок в движениях. Арсен – медлителен, кривоног и необычайно широк в плечах. Еще у него не было кисти правой руки, и, здороваясь, он подавал левую руку, всегда, впрочем, этого стесняясь, хотя кисть правой руки он потерял в молодости и за пятьдесят лет можно было привыкнуть к такому рукопожатию и не стесняться. Голова у Арсена была громадная, черты лица крупные, морщины на лице прямолинейные и очень глубокие. Будто неведомый скульптор, лепивший его голову, успел выполнить только черновую работу и потому на всякий случай везде оставил лишнего материала – на носу, ушах, губах, бровных дугах. Когда Арсен снимал пиджак и вешал его на спинку стула, плечи пиджака на полметра спускались с обеих сторон спинки. Таких, как Фома, в этот пиджак поместилось бы трое. На груди у него была огромная татуировка, изображавшая ощеренного льва. Он наколот ее в возрасте пятнадцати лет, будучи худым узкоплечим подростком, и образ льва, изображенный на груди, начал таинственно воздействовать на его человеческий лик, потому что через несколько лет он стал совершенным львом. Но странно, глаза этого могучего человека были всегда полны светлой грустью. Поселившись в них однажды, она эти большие теплые глаза посчитала удобным для себя жилищем и уже из них не уходила. Во всяком случае, мальчик не мог припомнить, чтобы он видел Арсена с веселыми, смеющимися глазами, как, впрочем, ни разу не видел в его глазах ни тоски, ни страха, ни отчаяния.

Когда, выйдя из лифта, они остановились на лестничной площадке перед квартирной дверью и услышали за ней грузные шаги, мальчик с вожделием, мгновенно возникшим в подушечках пальцев рук, вспомнил о коллекции камней и минералов, которая была у Арсена и которую Арсен разрешал ему не только смотреть, но и раскладывать на столе.

Арсен не спрашивал из-за двери: «Кто?» Он открывал любому. Он ничего не боялся. И сама дверь была у него тонкая, деревянная. Такие двери были теперь редкостью. У большинства владельцев квартир стояли пуленепробиваемые стальные двери с дорогими запорными устройствами и смотровыми глазками, сквозь которые можно было видеть в темноте.

Огромный человечище вырос перед мальчиком и стариком. Он был одет в просторные серые брюки, белую накрахмаленную рубашку и синюю безрукавку поверх нее. Очки на его большом бугристом носу съехали вниз, и добрые глаза внимательно смотрели на пришедших поверх прозрачных стекол. И мальчика сразу охватил привычный восторг от величины гигантских плеч Арсена и от его крупной львиной головы – неужели такие люди бывают на самом деле?!

И вот уже, один в кабинете Арсена, он склонился над тяжелыми ящиками с камнями и минералами. Широким кругом ложились на поверхность письменного стола куски вулканической лавы, черный базальт, оранжевые руды, красные, золотистые, дымчатые горные хрустали, янтарь с застывшим в прозрачной глубине доисторическим жуком, брусок малахита, а в центре круга горкою – голубые кристаллы аквамарина, изумруды, халцедоны, агаты...

Мальчик любил разложить всю коллекцию и, прищулив глаза, со стороны наблюдать за тем, как многоцветно она переливается на темно-зеленом гладком сукне.

Но сейчас, раскладывая камни, он впервые думал не о них.

«Ты был когда-нибудь в океане?»

Вопрос, заданный ему стариком полчаса назад, смутил мальчика.

«Океан!..»

Мальчик оглядел комнату.

Она была прямоугольной формы, с большим овальным окном на залив и несметным количеством книг на книжных полках. Но мальчик сразу понял, что ищет его взгляд. На одной из стен, занимая почти целиком ее площадь, находилась карта планеты.

Это была особенная, голографическая карта, на которой водная поверхность земного шара была озарена изнутри невидимыми лучами; в океанах, морях и озерах светились рельефные подводные впадины, горные хребты, плато, вулканы...

Океанолог по профессии, Арсен за свою жизнь исплавал весь Мировой океан, спускался на большие глубины в батискафах, прошел в подводной лодке подо льдом Северного Ледовитого океана, и эта подробнейшая карта – была итогом его работы.

Везде на водной поверхности чернели мелко нанесенные цифры, сотни цифр, но ими обозначались не глубины, а нечто иное, чего мальчик не знал.

«Чтобы попасть в океан, надо пройти залив, море, пролив... – думал мальчик, глядя на карту. – Это длинный путь. На один залив нужно двое суток».

Он прикинул – какое расстояние потребуется им одолеть, попытался разделить это расстояние на среднюю скорость, с которой они будут двигаться, но у него не было калькулятора, а считать в уме он почти разучился.

«Хорошо бы найти его, пока не начался прилив, – подумал мальчик. – Но сначала я посмотрю вертолеты».

Он подошел к окну.

Даль залива синела. Темные с яркими белыми вершинами облака уплыли, и вместо них появились редкие перистые облачка. Внизу, слева, от края до края видна была вертолетная стоянка и посреди нее, как жирная красная точка, – круглая крыша будки, в которой дежурил охранник.

«Нет, никак нельзя успеть туда и обратно, – сказал мальчик сам себе, отходя от окна. – Но ведь мы не можем не успеть обратно?!»

И эта мысль удивила его.

Не спеша, в задумчивости он начал снимать со стола камни и складывать их в деревянные ящики.

Когда на столе осталась небольшая кучка изумрудов, халцедонов и агатов, он ощутил, как на плечо ему легла огромная рука, но легла, будучи огромной и тяжелой, легко и даже ласково.

– Что тебе из всего этого больше нравится? – спросил Арсен.

Мальчик показал на янтарь, в глубине которого чернел доисторический жук.

И сейчас же со стыдом понял, что Арсен спросил его для того, чтобы что-нибудь подарить ему.

– Он твой! – сказал Арсен.

– Спасибо, – смущенно прошептал мальчик, трогая пальцами янтарь и все еще не веря, что драгоценность принадлежит ему.

– Ты хочешь есть? – спросил Арсен.

– Фома накормил меня, – ответил мальчик. – Я хотел бы пойти погулять.

– Погода хорошая, – согласился Арсен.

Как только мальчик вышел из дома на набережную, он сразу повернул к вертолетной стоянке.

Стоянку огораживала металлическая сетка, в которой были сделаны с двух сторон входы.

Мальчик покрутился возле полосатых тумб и скользнул под шлагбаум. Сильные воздушные машины окружили его – легкокрылые, изящные, высокие и массивные, с замысловатыми опознавательными знаками, с длинными обвислыми лопастями винтов. Их прозрачные кабины сверкали в солнечных лучах. За выпуклым пластиком видны были кресла пилотов, приборные доски, рычаги управления. Как в фантастическом лесу, раскинувшим над ним тонкие ветви, от которых пестрели на земле множественные тени, ходил среди них мальчик. Каких только вер-

толетов здесь не было! Шестиместные, четырехместные, огненно-красные спортивные, одноместные с открытым седлом, как у мотороллера.

Мальчик долго стоял возле одного из них, потом все же рискнул и сел в седло. Он оглядел приборную доску, измеритель скорости, на котором последним справа стояло число 200. И это число сразу обратилось в его воображении в свистящий в ушах поток воздуха.

– Если хочешь, я могу открутить тебе голову, – услышал он совсем близко голос охранника.

– Но ведь я ничего плохого не делаю, – промолвил мальчик.

– Но ведь это не твоя машина, – сказал охранник.

– Нет, – ответил мальчик.

Он вышел с территории стоянки и побрел по набережной в сторону устья реки, к тому месту, где старик выбросил калькулятор. Он не обиделся на охранника. Он вообще ни на кого не обижался теперь. Прежде он много обижался и очень страдал от своих обид, но теперь перестал обижаться, даже когда ему говорили злое. В конце концов, охранник был прав: еще неизвестно, как поступил бы владелец воздушного мотороллера, застигни он чужака в седле своей машины.

Внезапно мальчик увидел идущих на него людей.

Его сразу поразило то, как они шли, – цепочкой, перегородив тротуар, крепко держась за руки и глядя прямо перед собой. Их напряженные глаза смотрели очень далеко, и мальчик, остановившийся на их пути, не являлся им помехой; они смотрели сквозь него.

Это была семья из пяти человек. В центре – глава семьи и его жена, по сторонам – трое детей: юноша лет семнадцати, таких же лет девушка в карнавальном сомбреро и малыш в коротких штанишках на ляпочках. Они двигались, как бы преодолевая невидимую, встречную им силу, наклоняясь вперед и сильно отталкиваясь ногами от асфальта. И только малыш упирался и плакал. В руке у него был игрушечный мышонок.

Мальчик уступил им дорогу, и они проплыли мимо, даже его не заметив.

Проходя рядом с мальчиком, малыш выронил мышонка и, закричав, попытался вырваться, но взрослые не остановились.

Мальчик подобрал мышонка и бросился за ними. Он протянул малышу игрушку, но тот опять уронил ее. Тогда мальчик снова подобрал мышонка, но малыш и в третий раз выронил его.

«Какой неловкий!» – подумал мальчик.

Наконец ему удалось просунуть плюшевого зверька малышу под лямку штанишек.

И сразу мальчик отстал от них, так как они вошли на территорию стоянки.

Обернувшись назад, малыш на мгновение взглянул на него печальными прощающимися глазами.

Мальчик решил посмотреть, как будет взлетать вертолет, и сел вблизи ограды на парапет. Он видел, как пятеро забралась в четырехместную машину, малыша с мышонком посадили на колени к его матери, засвистели турбины, винт над кабиной вертолета сдвинулся, превратился в сияющий круг, и машина пошла над заливом.

Вертолет быстро набирал высоту; он поднимался все выше, уменьшаясь, сверкая на солнце.

Сильно запрокинув назад голову, мальчик наблюдал за его полетом.

«Что он делает! – подумал мальчик о пилоте вертолета. – Зачем они забираются так высоко?»

И вдруг он понял, что сейчас произойдет, и с силою закрыл глаза. Но они против его воли открылись, и он увидел, как, сорвавшись с огромной высоты, вертолет стремительно понесся вниз к густой синей воде, мелькнул над нею черной тенью и исчез в ней без всплеска и грохота, точно провалился в пустую глубокую яму.

Мальчик шел по набережной. Он ни о чем не думал. В его душе появилась болезненная пустота, и эта пустота росла, ширилась... Он и не заметил, как оставил позади отель «Золотая звезда», морской вокзал, разграбленную аптеку.

Дойдя до Центрального спуска, он спустился по каменной лестнице и сел на ступенях под статуей мраморного атлета, где в полдень они сидели вместе с Фомой.

Вода была еще далеко, и место, куда старик забросил калькулятор, не было затоплено ею.

И глядя на далекую воду, мальчик понял, что не пойдет искать калькулятор, потому что ему все равно, будет у него калькулятор или нет.

Он поднялся с теплых ступеней и побрел куда глаза глядят.

Танки уехали, и только ребристые следы от тяжелых гусениц остались на земле и траве.

Мальчик приближался к тридцатипятиэтажному небоскребу, стоявшему на бетонных ногах-опорах. В памяти ожил шум ливня и легкое дыхание юной женщины в длинной до щиколоток зеленой юбке и бледно-розовой блузке с крылатыми рукавами...

Ему захотелось посмотреть: есть ли еще над зданием ангелы. Впрочем, это он назвал их ангелами. В первый раз они пришли к нему в раннем детстве во сне. Они ему приснились. А потом он увидел их наяву. Он подумал тогда, что они – какие-то особенные люди-птицы из фантастического кинофильма. Но у них не было крыльев, как у птиц, и ног и рук, как у людей. Они появлялись внезапно и были окружены многокрасочными сияниями, цвет и сила света в которых постоянно менялись, то затухая, то разгораясь. Много позже мальчик догадался, что это язык, которым они разговаривают между собой.

Однако светлая тоска, которая охватывала его сердце, когда оно вдруг начинало чувствовать их присутствие, не появилась, и он понял, что ангелов нет.

Пустота в душе стала огромной, и мальчик испугался, что сейчас заплачет. Тогда он круто переменял направление и быстро зашагал к мосту.

Перейдя через мост, он увидел высокую гору свежеструганных досок и бригаду рабочих в голубых комбинезонах.

Рабочие строили театральную сцену. Помост и боковые стенки были уже сколочены, и теперь они собирали из дюралевых конструкций навес.

Вдруг мальчик услышал выкрикнутое издали свое имя.

– Федя!

Он обернулся и увидел подбегающего к нему одноклассника.

– Там, в школе, такое!.. – возбужденно заговорил одноклассник; глаза его лихорадочно горели, и нервная улыбка прыгала по щекам. – Бежим скорее!

И они помчались к зданию школы.

Ничего особенного ни по пути, ни близ здания школы мальчик не заметил, но одноклассник упорно продолжал тянуть его за собой.

Они взбежали на крыльцо, отворили входную дверь, но далее проследовали не в главный вестибюль, а вправо, к другой двери, ведущей в подвал.

Одноклассник приложил палец к губам, стрельнул вперед глазами, показывая, что им надо идти туда, и, ступая на носках, неслышно они спустились по узкой глухой лестнице.

В подвале была полутьма. От маленьких окошек поверху тек пыльный прямолинейный свет. Под тяжелым бетонным перекрытием первого этажа, нависавшим над полутьмою, мальчик различил много подростков из разных классов. Они стояли полукругом и что-то загоразживали собою.

Мальчик подошел к ним с краю и увидел в сумраке угла деревянные нары, покрытые куском полиэтилена, и на нарах два голых тела: одно – полное, взрослое, женское, другое – худое, мальчишечье.

– Сама пришла! – шепнул мальчику его приятель. – Я очередь занял, а потом, думаю, разыщу тебя.

Мальчик смотрел на нары. Он понимал, что смотреть нельзя, и не мог не смотреть.

Женщина была немолода. Она лежала на спине, подложив под шею подушечку и откинув назад темноволосую голову. Ее тяжелые белые ноги, согнутые в коленях, упирались в поверхность нар крупными уродливыми ступнями, а сильная шея с широкой пульсирующей жилой, дугою вытянутая на подушечке, была как кусок очень толстой змеи.

И мальчик все забыл. Он забыл о том, что произошло на заливе, об Арсене и Фоме, о Луне.

Завороженный увиденным, он чувствовал, как все настойчивее растет в нем желание поскорее прижать себя к женщине, прижать так сильно, чтобы тайна ее раскрылась ему, как это желание тянет его туда – к стонам, мрачному звериному дыханию, к тусклым бликам света на бесстыдно обнаженном теле женщины. Всего сильнее притягивала бесстыдность.

«Я тоже узнаю сегодня все...» – подумал он.

И вдруг, когда подошла его очередь и уже никого не осталось между ним и нарами, он услышал голос, отчетливо прозвучавший в центре его мозга: «Ты потеряешь Изабель!»

И мальчик бросился вон из помещения подвала. Вихрем он взлетел по ступеням тесной лестницы, распахнул одну дверь, вторую, перемахнул через перила крыльца и побежал меж прямоугольных высотных домов, сам не зная куда.

Он остановился возле желтого ларя со скособоченной вывеской «ПРЕССА» и долго ждал, пока дыхание успокоится.

«Теперь они будут смеяться надо мной, – подумал он об одноклассниках, – будут говорить: ты – слабак, а мы – взрослые мужчины».

– Но я люблю Изабель! – прошептал он им всем, а вышло – облакам, небу. – Я ее очень люблю.

И сейчас же ярко, объемно он увидел роскошную десятикомнатную квартиру, в которой жили до отъезда в Рим Изабель и ее родители, комнату Изабель в этой квартире и себя и ее в этой комнате вдвоем у письменного стола, на котором раскрыт альбом «Леонардо да Винчи», подаренный Изабель матерью на день рождения. Альбом был громоздкий, дорогой, с глянцевой суперобложкой, на которой мерцала черно-золотой улыбкой Джоконда.

Они стояли очень близко друг к другу, мальчик чувствовал щекой дыхание Изабель и вдыхал особенный, ни с каким другим не сравнимый, теплый запах, который источала ее кожа.

Изабель была в футболке и джинсах. Густые пряди волос охватывали ее продолговатое лицо и спадали ей на плечи и грудь, а когда она наклонялась – ложились концами на альбом. Она переворачивала страницу за страницей.

– Хочешь поцеловать мне руку? – сказала она, не глядя на него.

И мальчик услышал, как громко бьется ее сердце.

Несколько секунд он не мог пошевелиться. Душа его замерла. Он посмотрел вниз на тонкую кисть ее руки, опустил ее возле Изабель на одно колено, чтобы губы его оказались вровень с ее запястьем, взял кисть ее руки на свою ладонь и прижал пересохшие от волнения губы к ее прохладным, как бы безжизненным пальцам. Ее рука совсем ничего не весила.

Неожиданная мысль вернула мальчика к газетному ларю: «Мне кто-то сказал эти слова: ты потеряешь Изабель! Я знаю, я об этом не сам подумал, хотя и понимал – то, что я сделаю, будет плохо».

Он оглядел пространство между домами, посмотрел вверх в высоту, словно хотел сейчас же обнаружить таинственное существо, предупредившее его, но чисто было над ним небо, и вокруг – никого, кроме нескольких школьников, игравших на пустой мостовой в футбол.

«А что, если за то время, пока я был у Арсена и в школе, письмо от Изабель пришло?» – подумал мальчик.

Когда он вновь оказался в холле своего дома, у него неприятно засосало под ложечкой. Он знал: ощущение тревоги возникло оттого, что он невольно вспомнил – над ним мама и

господин Сугутов. От близости господина Сугутова мальчика всегда охватывало тревожное чувство. Но он успокоил себя тем, что ему не надо заходить в квартиру.

В холле было пусто и прохладно.

Он подошел к блоку почтовых ящиков и сунул палец в смотровую дыру.

В ящике лежало письмо.

Не доверяя первому ощущению, мальчик поцарапал ногтем поверхность, в которую уткнулась подушечка пальца, вынул палец и, перестав дышать, посмотрел в дыру.

За круглым отверстием светлел прямоугольник письма.

Мальчик открыл ящик и извлек голубой конверт с наклеенной треугольной маркой.

Это была не ее рука – он сразу понял. Незнакомый мальчику чужой почерк вглядывался в глубину его глаз жесткими черными буквами. Однако имя и адрес на конверте были указаны правильно. Письмо, вне сомнений, было послано ему. Но место, где пишется адрес отправителя, автор письма оставил пустым.

«Странное письмо... – подумал мальчик. – Не следует распечатывать его здесь. Мало ли кто пройдет мимо».

Он решил прочесть письмо в саду у детского сада, где в одиночестве играли малыши, но отверг и это и быстро зашагал в сторону моря.

По правую руку от русла реки, за пустыми котлованами, лежали невдалеке от берега залива бетонные трубы большого диаметра – в них можно было сидеть и даже ходить, слегка согнувшись. Их завезли с полгода назад для строительства бизнес-центра, но недавнее землетрясение положило конец этой стройке, как и всем остальным в городе.

Мучимый нетерпением поскорее узнать тайну письма, мальчик, не выдержав, побежал.

«Если письмо не от нее, то от кого же? – думал он, сильно отталкиваясь быстрыми ногами от земли и глядя прямо перед собой. – Мне никто не пишет, мой адрес никто не знает...»

На строительной площадке не было ни души, если не считать нескольких бездомных кошек и собак. Мальчик забрался в цилиндрический туннель трубы, сел на покатую плоскость и, вытянув вперед ноги, оторвал от края конверта тонкую полоску.

Письмо состояло из единственного листика бумаги. Вверху его было крупно написано:

ПИСЬМО-СЧАСТЬЕ!

Это письмо обошло вокруг света 444 раза, – начал читать мальчик. – Теперь оно попало к вам. С получением этого письма вас ждут удача и исполнение желаний. И это не шутка и не обман. Но вам надо переписать его 20 раз и в течение 96 часов отправить адресатам в разные страны мира. Отныне все зависит от вас. Нам доподлинно известны десятки выдающихся людей, которым это письмо принесло успех. Ни в коем случае не рвите его и не выбрасывайте. Помните, в вашем распоряжении 96 часов. 20 сделанных вами копий, и ваше главное желание исполнится!

Мальчик перечитал письмо еще раз. Он испытывал сразу два чувства. Первым – было разочарование: он понял, что уже не получит письмо от Изабель. И не получит потому именно, что вместо письма от нее пришло это письмо. И второе – чувство внезапной надежды на какую-то не предполагаемую перемену в жизни. Мальчик сидел в раздумье. Потом спохватился и сказал себе: «У меня нет и девяноста шести часов! Что же я сию? Послезавтра Фома обещал взять меня в море».

Он вылез из трубы и поспешил к ближайшему почтовому отделению. По дороге он уверовал совершенно, что письмо поможет ему. Более не надо ждать от нее вестей, он увидит саму Изабель!

В просторном зале, куда он вошел, было гулко и пусто. Служитель почты прятался за барьером, лишь голова его торчала из полукруглого окошка, вырезанного в стекле. Единствен-

ный посетитель – бородатый детина в красной рубахе сидел в центре зала за пластмассовым столом. Перед ним блестела бутылка водки и лежал целлофановый пакет с сухарями. Дитина смотрел в одну точку и громко грыз сухари.

– Дайте мне двадцать конвертов! – сказал мальчик, положив на барьер возле подбородка служителя несколько монет. – И еще двадцать листов почтовой бумаги.

Лицо служителя исчезло в глубине окошка, вместо лица появилась рука, которая забрала деньги, подала мальчику конверты и бумагу, и голова служителя вновь вернулась в прорезь окна, произнеся презрительно:

– Какой смысл писать теперь письма!

Мальчик хотел сказать, что письма, которые он напишет, – не простые, но решил, что не следует открывать каждому то, что было доверено ему одному, иначе желание может не осуществиться. Поэтому он только таинственно улыбнулся и промолчал.

– И все-таки там было золото! – сказал служитель почты детине. – Конечно, золото взорваться не могло. Но оно-то и охранялось оружием, которое взорвалось.

– Зачем хранить золото на Луне? Это неразумно, – уныло ответил детина пьяным голосом.

– Как раз разумно! – воскликнул служитель почты. – О количестве золота могли знать считанные люди! Да и украсть оттуда было труднее!

Переписав письмо, мальчик задумался – ему хотелось, чтобы копии, им сделанные, полетели во все концы мира. Но он не знал ни людей, ни адресов.

Вдруг ему в голову пришла великолепная идея: в каждой стране есть главный город, столица, а в ней – главная улица, а на улице дом № 1, иначе улица не могла бы начаться.

«В Париже главная улица – Елисейские поля, это я знаю точно», – подумал мальчик и аккуратно написал на конверте: Франция, Париж, Елисейские поля, дом № 1, квартира № 1, человеку, который там живет.

Торопливо переписал он письмо еще четыре раза и стал вспоминать столицы и большие города разных стран и названия главных улиц в этих столицах и городах.

«США, Нью-Йорк, Бродвей, дом № 1, квартира № 1», – написал он на втором конверте. «Россия, Москва, Тверская улица, дом № 1, квартира № 1» – на третьем, «Антарктида, полярная станция, начальнику станции» – на четвертом, на пятом – «Великобритания, Лондон...»

Тут он остановился, забыв, какая улица в Лондоне главная. Впрочем, если честно признаться, он не знал в Лондоне ни одной улицы. Тогда он подумал о Риме, но оказалось – о манящем его Риме он знает лишь то, что в древности в нем правил Юлий Цезарь и устраивались бои гладиаторов. Единственным, что возникло в воображении мальчика, был полуразрушенный Колизей. Напрягая память, мальчик начал вспоминать – что он знает в Китае, Греции, Германии, Скандинавии. Увы! Его познания не смогли принести ему никакой пользы. Великая стена – в Китае, Акрополь – в Древних Афинах, Бетховен, Гитлер и «Бременские музыканты» – в Германии... Скандинавия же безмолвно легла плоской собакой с оледенелой спиной – Норвегией и хвостом – Кольским полуостровом на разноцветье школьной географической карты и вообще осталась безответной.

– Вы не могли бы мне сказать, какая улица главная в Лондоне или в Осло? – спросил он у служителя почты.

– Главная улица в Осло? – переспросил служитель почты недовольно. – Кто ее знает, какая там главная улица!

– А в Стокгольме? – спросил мальчик. – Или в Берлине?

– Нет, не знаю, – ответил служитель почты. – Знаю, что в Париже – Елисейские поля. Еще в Нью-Йорке есть Бродвей. Там много магазинов.

– Я туда уже написал, – сознался мальчик. – А может быть, вы знаете что-нибудь в Риме? Или любую улицу в любом городе?

Служитель почты задумался.

– В Риме... есть Колизей, собор Святого Петра, Папа Римский.

– Нет, – сказал мальчик. – Я это все тоже знаю. Мне нужна улица.

Внезапно стало очень тихо.

Мальчик оглядел зал и понял, что детина в красной рубахе перестал грызть сухари.

– Вот такое огромное сердце у человека! – проговорил детина диким громким голосом.

И широко развел ручки в стороны.

Он посмотрел на мальчика плывущими влажными глазами и сказал:

– Земля пахла снегом – зимой. И медом – когда наступало лето. Я был там маленьким. И ничего нет больше. Ничего не осталось. А в сердце, внутри, всё – и город, и долина, и снег. Я помню песни, которые пела мне мама. Скажи, куда это из моего сердца перейдет, когда сердца моего не станет? Кто примет это из моего сердца? И если примет, будет ли он любить это так же, как любил я, или ему будет все равно?

Мальчик молчал. Он не знал, что ответить.

Детина перевел взгляд на прозрачную бутылку, которая сверкала перед ним на столе. Потом прижал глаз с той стороны бутылки и стал смотреть через нее. И глаз его от этого увеличился и зажил своей собственной, отдельной жизнью. Глаз смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на глаз.

– Хотите, я напишу вам письмо? – сказал мальчик.

– Хочу, – ответил огромный глаз.

– Я пошлю вам письмо-счастье. Только скажите ваш адрес.

– Мой адрес – я сам, – сказал глаз.

– Но я должен послать письмо, – возразил мальчик. – На конверте обязательно должны быть почтовые штемпели.

– Он поставит штемпели, – ответил глаз, дернувшись в сторону служителя почты. – Ты опустишь письмо в ящик, а он возьмет из ящика, поставит штемпели и принесет письмо мне. А я никуда отсюда не уйду. Я буду сидеть здесь вечно.

– Хорошо, – ответил мальчик.

«С этим письмом будет уже пять копий из двадцати», – подумал он, стараясь писать разборчиво и красиво.

Когда он опустил запечатанный конверт в почтовый ящик, детина, положив голову на согнутые в локтях руки, спал.

– Поговорим о чем-нибудь? – спросила из окошка голова служителя почты.

– Мне надо идти, – ответил мальчик.

– Жаль, – сказал служитель, взглянул на детину и добавил: – Теперь до вечера не проснется. Как мне быть одному со своими мыслями так долго?

Мальчик шел вдоль реки. Начинался прилив, и над слоем зеленой тины появился тонкий прерывистый покров воды.

«Интересно, залет ли сегодня морскую набережную? – подумал мальчик. – Вчера волны плескались у самого парашета».

Он вспомнил, с каким напряжением смотрели собравшиеся у залива люди на черную, непривычно близкую воду, огненно сияющую в серебряном лунном свете, и какая их охватила радость, когда вода все же остановилась и не хлынула на асфальт. Они веселились, как дети, словно это они своим желанием остановили воду. Словно наконец-то вода была в их власти и подчинилась им.

Театральная сцена на морской набережной была построена. В глубине ее два молодых человека укрепляли декорации. Мальчик остановился возле высокого красочного щита и прочел:

СЕГОДНЯ!

единственное представление
«ДО ВСТРЕЧИ В АДУ!»

феерия

В программе:

1. Обращение Сатаны к миру.

2. Великое торжище.

3. Костер до небес.

Начало – за час до восхода Луны.

«Как это получится: костер до небес?» – подумал мальчик.

И решил непременно прийти и посмотреть.

Фома говорил быстро, взволнованно.

– Пойдем с нами! Пойдем, Арсен! Вокруг будет море, – рыбы, птицы, простор, свобода!

Не хочу до последнего дня испытывать тоску!

– Не настаивай! – промолвил Арсен задумчиво.

Он помолчал.

– Ты ведь всегда мечтал уйти от людей, Фома, – сказал он.

И заговорил тихо, неторопливо:

– С тех пор как она умерла, смерть не вызывает во мне отвращения. А иногда я хочу смерти. Я вот сказал тебе: с тех пор как умерла... Я неправильно сказал. Она не умерла, она ушла. Оглядываясь, улыбаясь мне. Как бы за перегородку, за стенку. И скрылась там. Но я все равно чувствую ее присутствие.

– Ты не боишься, что окажешься не там, где она? – спросил Фома.

– Нет, – ответил Арсен.

– А мне мерещится: разведут нас, и уже навечно, по разным приютам!

Старики сидели в кухне на табуретах за деревянным столом, на котором стояли тарелки с едой и краснел пузатый графин, наполовину наполненный вином. И как только мальчик вошел в кухню, ему почудилось, что он видит светлую печаль вокруг их лиц, мягко разлитую в воздухе.

– Что, Федя, в подлунном мире нового? – спросил Арсен, обращаясь к мальчику и приглашая его сесть за стол.

– На набережной перед восходом Луны будет спектакль, – сказал мальчик, усаживаясь за стол рядом с Фомой.

– Где же там театр? – спросил Арсен и поставил перед мальчиком чистую тарелку.

– Построили, – ответил мальчик. – Большая сцена за мостом. За Центральным спуском.

И вдруг его охватило внезапное счастье от того, что он как равный сидит среди мужчин в компании Арсена и Фомы.

И мелькнула мысль: «Если бы сейчас с ними был отец!»

– Я вечером посмотрю представление? – спросил мальчик у старика.

– С условием, – сказал Фома, – Будешь осторожен! А лучше не ходи.

– Но мне очень хочется. Ведь я все равно каждый вечер хожу встречать Луну.

– И она отпускает тебя?

Фома всегда называл мать мальчика «она». Он лишил ее имени.

– Да, – ответил мальчик.

– Какие еще события потрясают наш великий город? – спросил Арсен с всегдашней своею иронией в голосе и глядя на мальчика темными добрыми глазами.

И неожиданно для себя самого мальчик сказал ему:

– Мне пришло письмо-счастье.

Он достал письмо и протянул его Арсену, – ему очень захотелось поделиться с Арсеном и Фомой чем-то тайным, своим.

– Оно пришло мне, – повторил он, выделяя слово «мне».

Арсен водрузил на большой бугристый нос очки и, отставив от себя на вытянутой руке исписанный лист бумаги, начал читать письмо вслух.

– Ты в это веришь? – спросил Фома у мальчика.

– Почему бы не верить? – промолвил Арсен. – Если бы такое письмо пришло мне, я непременно отправил бы двадцать копий.

– А ты скажешь мне адреса людей, которым можно послать письма? – спросил мальчик Арсена.

– Я дам тебе адреса лучших людей в любых частях света, – ответил Арсен.

До самого вечера мальчик переписывал письмо-счастье. Он переписал его еще пятнадцать раз, запечатал копии в конверты и стал надписывать на них фамилии адресатов. Весь мир предоставил ему свои чудесные названия – Австралия, Япония, Индия, Китай, Бразилия, Швеция, Канада, Турция, Марокко, Голландия, Тунис...

Закончив работу, мальчик собрал конверты в стопку; она получилась толстая, тяжелая, и тяжесть ее подтвердила мальчику несомненную силу письма-счастья менять судьбу человека. Он решил, что завтра утром отнесет их на почту, чтобы служитель почты поскорее отправил их.

Глава 3

Когда мальчик вышел из дома, морская набережная на всем протяжении уже была плотно запружена народом и напоминала гигантский шевелящийся рой. Отовсюду слышались голоса, выкрики, внезапный свист, шуршание одежды и шарканье шагов, но над всеми звуками, умалывая их, довлел звенящий гул вертолетов, которых висело в воздухе над морем не менее сотни. Солнце опустилось низко, и вертолеты, подсвеченные от горизонта широким потоком лучей, походили на тучи черных жуков, густо усеявших ало-золотой небесный свод в багрово-коричневых над водою и жемчужно-бирюзовых в высоте облаках. То тут, то там хлопали одиночные выстрелы, шипящие ракеты взмывали вверх и, сторая, падали в море. Вода была очень высока – мальчик сразу отметил это. Она доходила почти до парапета и все прибывала. Молодежь сидела прямо на гранитных камнях, свесив ноги к воде; множество людей расположилось на тротуарах, мостовой, на крышах автомобилей; в отворенных настежь окнах домов видны были бронзовые от закатного солнца лица, и на всех балконах торчали человеческие фигуры.

Оставив позади морской вокзал, мальчик увидел вдали над набережной яркое сияние. На фоне еще светлого неба оно походило на белый огонь гигантской электросварки. Это была освещенная магниевыми прожекторами театральная сцена. Подойдя к ней ближе, мальчик различил, что вся она окутана белесым дымом. Представление уже началось – грохот электрической музыки доносился оттуда, – и черные толпы людей окружали зрелище. Мальчик не мог видеть того, что происходило на сцене, но догадывался, что там происходит нечто очень интересное, по единодушным возгласам толпы и по тому, что время от времени музыка внезапно смолкала и тогда делался слышимым сладкий человеческий голос, многократно усиленный через динамики.

Мучимый желанием поскорее увидеть представление, мальчик торопливо протискивался, проскальзывал между зрителями, получая от подвыпивших мужчин пинки и подзатыльники, и наконец встал на очень выгодном месте возле самых подмостков, откуда было видно все сразу.

Кубический объем сцены до конца в глубину был заполнен обрывками слоистого дыма, который подавался на нее через два отверстия снизу. В дыму на длинной подставке стояли певцы в атласных тогах. На заднике сцены был рельефно изображен величественный дворец на фоне синего неба. Перед дворцом были расставлены искусственные деревья, которые пышно цвели яркими стеклянными соцветьями, от переливчатых пурпурных до оранжевых и желтых. Вокруг них танцевали полуобнаженные балерины и застывали неподвижно, когда музыка прекращалась. Впереди же стеклянного сада на самом краю сцены стоял артист в белом хитоне с драгоценной диадемой на голове. В руках он держал живые цветы. И протягивая обе руки с цветами к зрителям, он возглашал:

– Вы думали, я отвратителен, хитер и коварен! Вы думали, я явлюсь к вам со злобой на уродливом лице и смертоносной ложью на устах и в руках моих будут ядовитые змеи? И вот я перед вами! Но разве уродлив я и безобразен? Разве черные, испачканные кровью одежды на мне? Разве ядовитые змеи обвивают мои руки? Нет! Я пришел к вам в чистых белых одеждах, и в руках моих для вас не ядовитые змеи, а прекрасные цветы!

И он швырнул цветы в толпу перед сценой, а певцы позади него запели:

– Осанна! Осанна! Благословен грядущий в мир князь мира сего!

И вновь заговорил артист, игравший главную роль:

– Итак, теперь я продолжаю то, с чего начал! Бессмертие... Нет для человека страшнее наказания, чем бессмертие! Разве кто-нибудь из вас хотел когда-нибудь бессмертия? Никто! И это известно мне доподлинно, ибо не существует в мире души человеческой, прошедшей мимо меня. И что бы вам пришлось делать, стань вы бессмертны? Вы страдали бы от скуки и

тоски! И от этих страданий мучили друг друга. И конца бы вашим мучениям не было, потому что вы были бы бессмертны. Вам предложили бы воспевать славу Богу. Но кто из вас видел Бога? Кому вы будете воспевать славу? Невидимому духу, никогда не жалевшему вас? И что есть более неразумное и бессмысленное, чем петь славу не самим себе, не своим дерзаниям и подвигам, а тому, кого никогда не видели?! Славьте друг друга! Превозносите великих своих! Преклоняйтесь перед совершенствами своими! Я ищу славы не для себя, как обо мне думали и говорили мои враги, но – для вас! Вы – подданные державы моей, и ваша слава радует меня! Бессмертие – великое надругательство над человеком. Я – князь ваш! Я – друг ваш! Я – отец ваш! Я – ваш товарищ! Я – спасение ваше! И я знаю, чего вы хотите. Я изучал ваши желания на протяжении тысяч и тысяч лет. И они всегда были неизменны. Вы жили, как дикари, вы строили дворцы, вы творили поэзию и музыку, вы познавали законы космоса, вы сокрушали прежде созданное вами и опять воссоздавали, но всегда и во все времена вы хотели одного...

Он замолчал, выдержал долгую паузу и особенным, вибрирующим голосом медленно произнес:

– Наслаждения!

– Осанна! Осанна! – запели певцы. – Благословен грядущий в мир князь мира сего!

– Да! Пусть подойдет ко мне тот, кто не хотел наслаждаться! – заговорил вновь главный артист. – И пусть он мне скажет, не лукавя в сердце своем, что он не хочет наслаждения, но жаждет бессмертия! От пеленок своих вы жаждете наслаждения: еды, питья, сладкого, вкусного. Вы взрослеете, и разнообразятся ваши сладости: сила, власть, богатство, почести, слава, сластолюбие, сладострастие. Как жаждете вы сладкого! О, как жаждете! И я даю вам сладкое! Я не запрещаю вам сладкого!

Вдруг из пластов дыма в руке его появился деревянный крест. Он поднял крест над собою и воскликнул:

– Вот что ввело вас в заблуждение! Вот что отравило ваше наслаждение! Вот знак того, кто влил в вашу сладость горький яд бессмертия! Да. Он вечный враг мой, вечный мой противник в борьбе за ваше счастье. Это он пришел однажды и рассказал вам о бессмертии! А меня назвал человеконенавистником и лжецом. И как он вас обманул! Какую ужасную угрозу вашему счастью он с собой принес! «Распните плоть свою на кресте моем!» – сказал он. А я говорю вам: услаждайте плоть свою, ибо что у вас есть кроме плоти? Итак, я спрашиваю вас: есть ли среди вас такие, которые не предпочтут сладость и сытость – острым гвоздям и позорному кресту? Кто из вас хочет страдания, а не наслаждения, кроме тех малочисленных сумасшедших, потерявших последний разум и надевших на себя одежды скорби? Нет таких.

Он с силою переломил крест о согнутое колено и отшвырнул от себя обломки его.

– Дети мои! – воскликнул он и прослезился. – Славные мои подданные, сыны и дочери плоти и крови! Вот вам мои богатства! Царские венцы – желающим славы: насытьтесь! И горы золота – алчущим: насытьтесь! И оружие тем, кто хочет усладиться победою над соседом своим: насытьтесь! И похотливые, жаждущие прикосновений тела – сладострастным: насытьтесь! Насытьтесь все! Мои сокровища не на небесах, где никто и никогда их не видел, а здесь! Радуйтесь! Вкушайте! Я, верховный ангел света Сатанаил, первым осознал пагубу света и первым отбросил от своего имени позорную приставку «ил»! Я стал для вас Сатаною. Это был мужественный шаг, потому что до меня никто не посмел возвысить свой голос. Сатана! Как прекрасно мое имя! Как торжественно! Повторяйте его и освящайтесь им! Славьте его и поклоняйтесь ему! Са-та-на! Са-та-на!

Послышались редкие голоса.

– Громче! – закричал артист, заводя толпу. – Громче!

И вот уже тысячи хрипели, вопили, скандировали:

– Са-та-на! Са-та-на!

Артист поднял руки, и площадь затихла.

– Тьма! – вдруг торжественно провозгласил он. – Тьма – моя стихия! Я возлюбил ее! И вы ее возлюбите! Вы уже знаете ее, потому что только во тьме возможно удовлетворить любое желание! Свет не стал бы светом, если бы не был отделен от тьмы! Берите же ее черный огонь! Берите в избытке!

В руке его появился горящий факел.

Певцы и балерины покинули свои места на сцене и ушли через боковую дверь.

– Этот костер – во имя нашего союза в блаженстве и наслаждении!

И он поджег сцену.

Толпа вокруг ахнула.

– Весь мир – бушующее пламя! – закричал он в испуглении. – Похоть плоти! Кипение страсти! Я иду к вам, ваш бог и князь!

Он спустился со сцены и, подняв над собой распахнутые руки, пошел сквозь толпу.

И люди расступались и давали ему дорогу.

Огонь все ширился, горячел.

Возгласы удивления и восхищения слышались кругом.

Наконец зрители шарахнулись в стороны и начали разбегаться.

И мальчик вместе с толпой отбежал от театра.

Когда расстояние до горящей сцены сделалось безопасным, он остановился и стал смотреть на нее издали. Пламя охватило уже всю постройку, гудело, металось, возносясь на огромную высоту и заслоняя своей яркостью прямые лучи заходящего солнца. Вдруг с треском крыша сцены рухнула, выплеснув к небу тысячи искр.

«А где князь мира сего?» – подумал мальчик и огляделся.

Артиста, исполнявшего в спектакле главную роль, нигде не было видно.

Как бы очнувшись от сна, мальчик побрел по набережной. Опять отовсюду его окружил многоголосый человеческий говор, выкрики парней, визги девиц, шуршание одежды и шорох шагов.

Опять услышал он грозный гул висящих над заливом вертолетов. Медленно продвигался он в толпе, которая временами скучивалась, становилась непроходимо плотной, и тогда ее надо было огибать по краю, временами же возникали перед ним свободные асфальтовые площадки. В одном месте дрались, в другом – танцевали, шлялось много пьяных, а также угрюмых людей со страшными лицами, но много было и медлительных, тихих, испуганных – эти ходили одиночками либо маленькими компаниями, взявшись за руки.

Все ждали появления Луны.

Народу прибавлялось с каждой минутой. Новые и новые группы людей втекали в бескрайнюю толпу из парадных и подворотен домов, из улиц, выходящих на набережную. Красно-оранжевый купол неба начал приобретать зеленоватые тона, а над головой темнеть, делаться синим, первые звезды обозначились в его глубине, но вертолеты над заливом, освещенные из-за горизонта исчезнувшим солнцем, горели в воздухе яркими слепящими огнями.

Вода прибывала.

Мальчик прошел мимо плотной шеренги людей, державших над собой развернутый транспарант:

**ТРЕБУЕМ ОТКРЫТОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИЧИН
ВЗРЫВА НА ЛУНЕ И НАКАЗАНИЯ ВИНОВНЫХ!**

И остановился возле стенда, на котором были выставлены акварели и рисунки. Рядом со стендом сидел на складном стульчике худой остролицый человек – художник и блестящими черными глазами окидывал каждого, кто проходил мимо стенда.

Мальчик стал рассматривать акварели. На всех на них была изображена Луна огромных размеров. Луна-убийца заносила нож над беззащитной планетой, Луна – Шива-Много-

рукий походила на разъяренного осьминога, в раскрытый рот Луны-людоеда шли люди длинной скорбной вереницей. Она сияла над городами, лесами, пустынями, над индийским Тадж-Махалом, над Московским кремлем, над египетскими пирамидами.

– Нравится? – спросил художник мальчика.

Мальчик подумал было сказать, что учится в художественной школе и тоже рисует, но акварели были так плохи, что он застеснялся и промолчал.

– Может, у тебя есть хотя бы немного травки?.. Две-три затяжки. Или порошочек? – художник положил на свою ладонь маленькую фарфоровую Луну с синими цифрами 666 на белой эмали и показал мальчику. – А я подарил бы тебе этот талисман. Он, конечно, не спасет. Но все же симпатичная вещица!

– Нет, – сказал мальчик. – Я ничего не смогу дать вам взамен.

– Жаль, – произнес художник разочарованно. – Душа подсказывает мне, что настало время расплыться и потерять очертания. Очертания стали для меня очень болезненны.

За спиной мальчика послышался бой барабанов и звон металлических тарелочек.

– Харе Кришна, харе Кришна, Кришна, Кришна, харе, харе! Харе Рама, харе Рама, Рама, Рама, харе, харе! – распевали на ходу бритоголовые парни с черными завитками косичек из волос на голых затылках.

Одетые в одинаковые оранжевые балахоны, они шли большой толпой, приплясывая на ходу, били в барабаны, звенели тарелочками и несли над собой хоругви.

«Рыже-белая колли... – неожиданно подумал мальчик. – Придет ли она сегодня на Центральный спуск?»

Эту красивую породистую собаку он и прежде не раз видел на набережной; среди множества брошенных или потерявших своих хозяев домашних животных она выделялась не только красотой, но и гордой благородной осанкой. Вчера же, когда мальчик пришел на набережную смотреть восход Луны и сидел на верхних ступенях спуска, эта собака села рядом с ним, и хотя на спуске было много народа, мальчик почувствовал, что она выбрала именно его. Он смотрел на гладкую воду залива, на горизонт, на заходящее солнце, и она смотрела на воду залива, на горизонт, на заходящее солнце. И он ощущал параллельно своему взгляду ее взгляд. Тогда он повернул к ней голову, и она одновременно повернула к нему свою узкую морду, и он увидел, что из ее золотых глаз текут слезы. Собачьи глаза были до краев полны сверкающей влагой. И мальчик, утешая собаку, стал гладить ее по длинной мягкой шерсти. И когда он гладил ее, она лизнула его пальцы горячим языком. Потом она ушла и потерялась в толпе, а мальчик вернулся домой. Но лежа в постели перед сном, он долго думал о ней, и ему не давало покоя, что в тот момент, когда она лизнула его пальцы, он ясно понял: она именно плачет, как может плакать только человек. Утром приехал Фома, и мальчик забыл о собаке, но сейчас неожиданно вспомнил о ней, и у него сразу возникло ощущение, что она и сегодня сидит на том же самом месте и смотрит на залив. И он пошел проверить: так ли это?

Чем ближе подходил он к высоким статуям, украшавшим спуск с обеих сторон и хорошо видимым издали, тем сильнее хотелось ему снова встретить рыже-белую колли. Когда же наконец он подошел к ним, то обнаружил, что все ступени спуска, до самой верхней, находятся под водой. Десятки людей сидели на граните, на пьедесталах статуй и даже на самих каменных статуях, и среди них у самой воды стоял человек в черном одеянии и говорил собравшимся вокруг него:

– Это расплата. Вы должны принять ее. Она дана во спасение. Разве мало было вам неба и земли? Разве не хватало пищи? Для чего же вы ненавидели друг друга, были так ненасытны, завистливы, злы?

– Что ты болтаешь, придурок! – крикнул ему с места мужчина в голубой футболке с рекламой сигарет на груди и в голубой летней кепке. – Там был взрыв. По телевидению ясно сказали: взрыв огромной силы. Эти гады хранили там оружие.

– Нет. Над нами довлеет порок. И мы всегда видели его. Но мы решили, что можно жить с ним. Что жить порочно – комфортно и приятно. И тогда мы превратили его в нашу поэзию. Мы им любовались. Мы его воспели в произведениях искусства. Мы даже убедили себя – и тому же научили детей, – что иначе жить невозможно. А если невозможно, значит, мы живем правильно. Правильно – порочно. И порок наш стал расти. И мы наконец увидели, что он раздавит нас. И испугались. Нам не спасти тело, – время исчерпано. Но мы можем спасти душу, которая бессмертна!

Мужчина в голубой футболке вдруг вскочил с гранитного камня, на котором сидел, и, подбежав к говорившему, крепко схватил его за грудки.

– А я жить хочу! – заорал он ему в лицо. – Мне сорок лет! Понимаешь? Мне положено еще столько же! И если ты не заткнешься, я сам утоплю тебя в этой воде и посмотрю, как твоя бессмертная душа этому обрадуется!

Боясь, что начнется драка, мальчик пошел по набережной дальше. Он не любил смотреть, как люди дерутся. Всегда, когда он видел, как люди бьют друг друга, с ним начинало происходить странное: ему хотелось броситься на землю лицом и горько плакать.

Но, к счастью, он увидел, как человек в черном одеянии невредимым выбрался из толпы и быстро пошел прочь.

Рыже-белой колли нигде не было.

Вдруг шум на набережной начал стихать, всё вокруг напряглось, подняло головы, оглядываясь, озираясь, прислушиваясь, словно внимая кому-то, кто имел надо всеми власть и явился наконец из сумрака ночи... И замолчало.

Гул вертолетов над заливом стал еще более грозным. И мальчик понял: Луна восходит, появился ее край.

«Сейчас начнется...» – подумал мальчик.

И услышал тихий нарастающий вой, издаваемый миллионом людей. Вой делался громче, сильнее, тоньше, в нем стали различимы стоны, крики, рыдания...

И вот уже вся набережная, от одного видимого края до другого, выла, рыдала, стонала, молилась, металась, воздевала к небу руки, тряслась в нервных припадках, орала, била стекла, стреляла из огнестрельного оружия в воздух, задыхалась, материлась, хрипела. Тысячи лиц, множество наречий! Но крик отчаянья одинаков на всех языках!

– Я поймаю тебя! Выходи! – хохотал пьяный матрос, глядя на Луну и широко расставив в стороны руки.

Старшеклассницы, сбившись в кружок, исступленно визжали, словно находились на рок-концерте на стадионе. Их напряженные лица были мокры от слез.

Черноволосая женщина, повернув к мальчику голову и прижимая пальцы к разорванному уху, пролепетала в ужасе:

– Он вырвал у меня золотую сережку!

Возле крышки люка городской канализации мальчик споткнулся о поставленный на асфальт портфель и упал, и когда поднялся, увидел рядом с собой маленького плачущего человечка с плоским лицом и раскосыми глазами. Тот сидел на поребрике тротуара, обняв голову ладонями, и твердил:

– Нет, меня никто не слышит! Меня никто никогда не услышал! За всю жизнь ни разу!

– Я слышу, – сказал мальчик.

Человечек печально взглянул на него и промолвил:

– Подержи меня за руку!

Мальчик прикоснулся к его руке, взял ее в свою руку.

И так они сидели молча.

Невдалеке от них в позе лотоса восседал голый по пояс юноша и медленно повторял:

– Все рождается в радости, все пребывает в радости, все к радости стремится и в радость уходит.

– Бейте евреев! – хрипел дикий утробный голос. – Золотой телец! Золотой телец на Луне!

– Аллаху Акбар! – донеслось из толпы, и там прогремел взрыв.

Вдруг мальчик обнаружил, что рука его пуста, и тот человек, которого он держал за руку, повалился набок.

Странное бормотание услышал мальчик над собой.

Крупный пожилой мужчина в форме швейцара пятизвездочного отеля твердил с закрытыми глазами:

– Водка «Смирнофф» – самая чистая водка в мире! Аллилуйя! Пользуйтесь шампунем «Хэд энд шолдерс» – и вы избавитесь от перхоти! Аллилуйя!

Мальчик поглубже вдохнул в легкие солоноватый холодный воздух и пошел прочь от этого места.

Луна уже наполовину взошла. Зловещие цирки кратеров были ясно видны на ней.

– Тише! Тише! Надо совсем тихо! Полная тишина! – сказал рядом с ним старичок с переносным радиоприемником в руке. – Почему все кричат? Почему все говорят так громко? Сейчас надо говорить шепотом. А лучше – не говорить вовсе. Лучше молчать. Нет истины там, где кричат.

И он зашептал мальчику:

– Знаешь, что я понял? Только никому не говори! Они должны догадаться сами. Если бы все одновременно подумали о том, чтобы она не падала, то она и перестала бы падать. Только все вместе и в одну минуту! Мысль! Одна на все человечество. Но каждый думает о своем. И она, конечно, упадет.

– Я послезавтра поплыву к Изабель, – сам не зная почему, вдруг сказал ему мальчик и пошел дальше.

И опять крики, вой, плач, хохот, беспорядочная стрельба окружили его. Мелькали люди, одежды, головные уборы, протянутые к Луне руки, искривленные рты, широко раскрытые глаза.

Послышался грохот мощного дизеля, и мальчик увидел, как на набережную выкатил серебряный танк.

Верхний люк на его башне открылся, и оттуда выскочила голая девица, зажимая в кулаке свое платье. Девица спрыгнула на землю и закричала:

– Весь мир из вонючих скотов! Пусть Луна раздавит вас! Всех! Как тараканов!

И бросилась сквозь толпу.

Следом за нею из люка появились два танкиста. Один из них пил вино прямо из горлышка бутылки.

Кто-то предложил:

– А не пальнуть ли в Луну?

Танк задрал хобот орудия и начал со страшным грохотом выпускать снаряд за снарядом.

– Эй, танкисты, лучше врежьте по атомной станции, чтобы все поскорее кончилось! – заорал десантник в защитной камуфляжной форме.

Танк опустил ствол орудия, выстрелил в ту сторону, где на противоположном берегу залива находилась атомная электростанция, снабжавшая город электричеством, но снаряд не долетел до цели, упал в залив, и вдали, от взрыва, фонтаном взметнулась вода.

Танкист пожал плечами, потом промолвил как-то вяло, бездыханно, словно из него вдруг ушла вся жизненная сила:

– А ну вас к дьяволу!

И залез внутрь танка.

Танк рванулся с места, пробил гранитное ограждение парапета, проплыл несколько десятков метров по черной воде, постепенно в нее погружаясь, и наконец исчез безвозвратно.

Мальчик почувствовал себя усталым.

«Мне пора возвращаться», – подумал он.

Вновь побрел он по набережной, которая теперь уже перестала выть и рыдать.

Наступало затишье.

Вертолеты один за другим шли на посадку.

Луна ярко сияла в небе. Весь ее огромный диск был виден целиком.

Сильно избитый человек лежал на тротуаре.

И мальчик узнал его.

Это был артист, игравший князя мира сего. Одевание на нем было порвано и испачкано в пыли и крови, драгоценная диадема потеряна. Он утирал окровавленный нос рукавом хитона и громко стонал:

– Дикари! Мерзавцы! Я исполнял роль! За деньги! Чтобы развлечь!

– Вам нужна помощь? – спросил мальчик.

– Помогите мне встать! – ответил артист. – Они так страшно избили меня.

Мальчик с трудом поднял его и довел до ступенек ближайшей парадной.

– Это же спектакль! – твердил артист. – Выдумка!

И, взглянув на мальчика, добавил:

– Ты видел?

– Да, – ответил мальчик.

– А все же, согласись, я сыграл сильно! – произнес артист, усаживаясь на приступочку. –

Какое воздействие на зрителей!

Внезапно вся набережная одновременно ахнула.

Толпы людей шарахнулись от парапета.

«Что там?» – удивился мальчик.

И мгновенно понял: вода хлынула на набережную.

Сокрушая все на своем пути, падая, вопя, перескакивая через лежащих, расталкивая друг друга, люди бежали прочь.

Набережная быстро пустела.

Мальчик увидел густую темную воду, стремительно заливавшую асфальт.

И только один человек не убегал, но, задрав руками брючины, лихо плясал, притоптывая в воде ногами.

– Теперь и я – со всеми! И я уйду не один! – радостно выкрикивал он. – Как я счастлив! Как счастлив! – он отпустил брючины и ткнул себя рукою в живот. – Она – тут! Тут! Может, слышали, вы, трусы, испугавшиеся воды, про то, что есть на свете смертельные болезни? И от этих болезней умирают, потому что они смертельные! Но знаете, как обидно умирать одному, когда все остальные остаются жить? Благословенная Луна! Ты светишь мне ярче Солнца!

Увлекаемый массой разбегающихся людей мальчик оказался прижатым к стене в боковой улице рядом с группой полицейских; полицейские озверело били людей дубинками по головам. Двоих из них толпа сшибла с ног и тут же затоптала. Мальчик понял – и его сейчас ждет такая же участь. Но внезапно человечья лавина вновь подхватила его и понесла вместе с собой дальше. Улица влилась в другую улицу, более широкую. Толпа стала редеть, рассасываться... Крики затихали.

Вдруг мальчик увидел рыже-белую колли.

Она неторопливо шла вдоль стены дома, гордая, красивая, шла так легко и спокойно, словно не замечала всей суеты, которая происходила вокруг.

Мальчик захотел подзвать ее, но понял, что не может этого сделать, потому что не знает клички собаки.

– Эй! – крикнул он. – Это я! Подожди!

Собака обернула голову, посмотрела на него золотыми глазами и пошла дальше.

Но мальчику почудилось, что в глазах ее сверкает радость.

Он догнал собаку.

Некоторое время они шагали рядом.

Колли свернула в короткий кривой переулок, дугою ведущий к маленькой круглой площади.

Касаясь стены дома рукой, навстречу им по тротуару семенила полная седая женщина. Белый платок на ее голове сбился на спину.

– Уходят! – шептала она. – Уходят все! Они не могут ошибиться!

«Кто уходит?» – хотел было спросить мальчик, но в этот момент что-то светлое мелькнуло перед самыми его глазами – гибкая сиамская кошка прыгнула с карниза второго этажа вниз и опрометью бросилась к площади.

Когда же мальчик вышел на перекресток, ему открылось зрелище столь невероятное, что, не в силах совершить более ни одного шага, он замер на месте.

Сотни тысяч собак и кошек широкой колонной двигались по проспекту, и конца-края не было видно этой колонне. В разноцветном свете неоновых реклам, без спешки, но ни на секунду не останавливаясь, животные целенаправленно шли все вместе, друг подле друга, словно кто-то разумный выстроил их в эту ужасную колонну и вел за собой. Высокие, низкие, черные, серые, они шли, бесшумно переставляя лапы, мрачно опустив головы и глядя в землю. Они ничего не просили, не отзывались на окрики людей и ничего не боялись. Великое количество темных спин, колышась, текло над мостовой; у мальчика даже на миг закружилась голова. Движение на проспекте встало; железные машины высились над этой медленной и непрерывно текущей живой рекой как странные уродливые острова. Воздух был наполнен грозным шорохом, урчанием, и мальчику почудилось, что он слышит дыхание обезумевших животных.

Рыже-белой колли рядом с ним не было. Она незаметно влилась в колонну и ушла навсегда.

Мальчик задрал голову кверху и увидел над собой уходящий в небо дом. В лунном сиянии грозно чернел над ним прямоугольный каменный эркер и сверкали жестким ночным блеском квадратные темные окна.

И мальчик понял, что смотрит на окно той квартиры, где до отъезда в Рим жила со своими родителями Изабель и где в тот чудесный зимний вечер он впервые поцеловал пальцы на ее руке...

Глава 4

Око зрит округ...

В безмолвии – слова не надобны, ясен сокровенный смысл предметов; так пересекают пространство во сне... Это движение со стремительностью пожелания сердца биться в ином пейзаже.

Но есть еще нечто большее – зов тайны.

Душа спешит, полная смятения, страха и счастья, плутает, надеется, отчаивается.

Кто и куда призывает ее?

Человек не задается вопросом: кто? Он идет, зная, что это необходимо, потому что зовущий сильнее его. Он идет внутри сна по зыбким качающимся твердым, над морями и безднами, оставляет за собой удивительные мосты, прозрачные лестницы, нескончаемые туннели, проходит сквозь города, не отмеченные ни на каких картах, видит то, что было, и то, что будет, и то, чего не было никогда и не может быть, а оно есть, с полной ясностью сознавая, что пейзажи эти реальны, как и сам он, находящийся в них, эти горизонты существуют, рождают в нем чувства, мысли, они осязаемы, и нет разницы между сном и бодрствованием, ибо нет сна, но все вокруг бодрствует. И что и смерть – бодрствование, и уничтожение лица человеческого невозможно точно так же, как уничтожение духа.

Мальчик шел. Он совершал шаг за шагом. Он не знал, куда он идет и зачем и что ожидает его там, куда он идет, но он говорил себе: «Я должен идти, идти вперед, идти туда, где вдали едва заметно темнеет смутное круглое пятно. И это пятно и есть то, что мне нужно. Это оно зовет меня. Ради него я иду. Я хочу шагать быстрее, но что-то сковывает мои ноги, мне трудно ступать, но еще труднее было бы не ступать, остановиться, и я иду».

Вблизи мальчика было светло и ясно, но далее во все стороны пространство замутнялось и сияло тревожным зеленоватым светом – густое, слоистое, как бы видимое через толстое зеленое стекло.

И мальчик понимал, что он идет в воде.

Он понимал, что он – внутри ее толщи, на огромной глубине, в центре океана. Но при всем том это обстоятельство не смущало его, это было естественным – то, что он, живой человек, окружен сотнями тысяч кубических километров плотной тяжелой воды, и он идет в ней по дну океана, и дышит, и сердце его бьется.

Он видел дно, по которому ступал, свои ноги в потертых джинсах, в светлых спортивных туфлях с белыми шнурками – шнурки при каждом взмахе ноги взвивались кверху, а потом плавно опадали вниз, вясь упругими изгибающимися кольцами, точно белые черви, – видел свои руки, кисти рук, пальцы, ногти на пальцах...

И одновременно он видел себя со стороны одиноко идущим по дну океана, и он мог сказать о себе: «Вон я иду по дну океана!» И это тоже не представлялось ему удивительным.

Но главным, на чем был сосредоточен его взгляд – и этот ориентир ни на одно мгновение не теряло его зрение, – было круглое пятно вдали, которое темнело сквозь густую, сияющую зеленовато-серебристым светом воду.

– Я должен идти! – повторял мальчик.

Сколько времени так продолжалось? Тысячу лет? Полчаса? Но пятно росло, и это значило, что, идя, он все же преодолевает расстояние. Хотя он чувствовал: это расстояние не такое, какое ему не раз случалось проходить в своей жизни, оно измеряется не милями, а чем-то совершенно другим.

И вот пятно обрело контур, и линия, очерчивающая его, стала ясна.

И мальчик почувствовал, что он пришел.

Перед ним в неподвижном тумане мутной воды темнела атомная подводная лодка.

Мальчик посмотрел вверх и увидел, теперь уже высоко над собою, черные плоскости ее кормовых рулей. Они нависали над ним, как огромные плавники великой рыбы. Но они были созданием рук человеческих, и от этого в их безмолвной неподвижности было что-то тревожное, мучительное для лицезрения.

Мальчик пошел рядом с лодкой вдоль ее выпуклого черного брюха высотой с шестизэтажный дом. Швы в прочной резине, которой был покрыт ее корпус, текли справа от него и высоко над ним ровными бесконечными линиями. Он коснулся нижнего из них рукой и почувствовал от этого прикосновения всю безмерную тяжесть лодки.

И чем дальше он шел, тем сильнее становился зов.

«Сейчас я увижу!» – ощущал мальчик, не зная, что он должен увидеть, но чувствуя: еще мгновенье, и тайна, к которой он шел, откроется ему.

И все же это произошло внезапно.

Вдруг в корпусе лодки открылось сквозное отверстие. Толстые титановые листы были разорваны, изогнуты, искорежены, и рваные края их говорили о той чудовищной силе, которая действовала здесь и способна была разорвать их с такой легкостью, словно они были бумажными.

Мальчик приблизился к огромной ране в корпусе лодки и увидел в ярко освещенной ее глубине своего отца. Одетый в военно-морскую офицерскую форму отец сидел на деревянном венском стуле, сомкнув колени и положив на колени ладони рук, и прямо перед собою смотрел. Под стулом были сложены детские игрушки: мяч, пирамида из разноцветных колец, деревянный грузовик.

И мальчика охватило сильное счастье оттого, что он нашел отца и более он не один в этой далекой глубине океана. Быстрая горячая волна прилила к его сердцу.

– Здравствуй, папа! – радостно сказал он, остановившись и уже готовясь оттолкнуться от океанского дна, чтобы всплыть в дыру.

Но отец вдруг закричал:

– Остановись! Здесь смерть!

Отец не произнес ни одного слова, губы его даже не шевельнулись, и глаза остались такими же неподвижными и продолжали так же невидяще смотреть прямо перед собой, но мальчик все услышал и, внезапно ощутив ледяной холод, пошел дальше.

Он переставлял неприятно легкие, не имеющие веса и от этого как бы омертвелые ноги, уходил от дыры все дальше, а корпус лодки все тянулся рядом с ним – беззвучный, безжизненный, вросший в песчаное дно океана. И быть может, шел мальчик рядом с ним еще тысячу лет. Но, идя, он сознавал, что все невозвратимее удаляется от него страшная дыра-смерть, в глубине которой сидит его отец, столь любимый им отец, сидит на деревянном венском стуле, сомкнув колени и положив на колени ладони рук. А под стулом сложены игрушки.

«Но как же он остался там один? – подумал мальчик. – Как же я оставил его одного в этой пустой погибшей лодке среди воды, холода, смерти?!»

И сейчас же он обнаружил, что лодка кончилась, – он прошел ее всю.

Над ним тяжело и мрачно нависал ее округлый нос.

Мальчик остановился, запрокинул голову, чтобы лучше рассмотреть звезду на носу лодки, и вместо темной железной громады, только что черневшей над ним, увидел ровную полосу слабого света.

«Там небо! – догадался он. – Там жизнь!»

И сквозь толщу воды, которая вдруг стала тесна ему, начал возноситься к светлой полосе.

Он поднимался все выше к поверхности воды, и полоса делалась ярче, четче, и он вдруг сообразил, что это – свет в промежутке между двумя портъерами.

Стремясь еще ближе придвинуть себя к источнику света, он приподнялся в постели, опираясь руками назад, и поглядел на окно. И понял, что этот серебристый свет – от Луны и что это она горит там за зеленой тканью портьер.

«Где я? – испугался он. – В моей комнате другое, не овальное окно, – и вспомнил: – У Арсена. Мы пришли к нему вчера с Фомой. Они постелили мне постель здесь, в большой комнате с голографической картой, а сами долго говорили, – он прислушался. – Спят. И на набережной тихо. Значит, поздняя ночь».

Он откинул край одеяла и некоторое время сидел на кровати, глядя сквозь полутемноту на свои белые колени и пытаясь что-то вспомнить.

«Да, но во сне... Когда я спал... Там что-то случилось со мной», – думал он.

Босыми ногами он ступил на холодные половицы паркета и подошел к окну. Пальцы его коснулись грубого полотнища портьеры; он медленно отвел ее в сторону, раскрыв перед собой безмолвную сверкающую ночь. Она просторно хлынула ему в лицо из глубокой дали залива. Он взглянул на свою руку, отодвигающую портьеру, и для чего-то запомнил это движение.

Торжественна, велика была перед ним ночная даль! Седым блеском отсвечивала вода, кажущаяся с большой высоты выпуклой. Широкие полосы черной ряби пересекали ее. А в небе в нагромождении дымчатых полупрозрачных облаков сиял огромный, неправильной формы круг Луны. И город, как будто уже пустой, покинутый людьми, двумя каменными полукружиями охватывал акваторию залива, и два его белых крыла таинственно мерцали.

Мальчик посмотрел вниз на набережную.

Прожекторы на вертолетной стоянке были потушены. Косые овалы света от желтых противотуманных фонарей один за другим лежали на залитом водою асфальте. Светлые пятна уходили цепочками по набережной вправо и влево, уменьшались по мере удаления. Легковая машина одиноко ползла в воде по мостовой, пересекая их одно за другим и вспыхивая в такие моменты горбатой лаковой спинкой.

И на миг мальчик снова увидел там, внизу, пять человеческих фигурок, которые шли, взявшись за руки, к вертолетной стоянке.

«Где они теперь? – подумал мальчик. – Где тот малыш, который горько плакал и ронял любимую игрушку? Может быть, он хотел остаться со мной и нарочно бросал ее, а я не понял».

Смерть...

Словно бы в мыслях своих он осторожно приоткрыл потайную дверцу, но не решился заглянуть в нее.

«Что такое смерть? Это когда меня не будет?»

Он посмотрел на свои босые ноги, потрогал пальцами свободной руки лицо, плечи, трикотажную майку на теле, жесткие торчащие ключицы...

И вдруг его охватила тоска. Никогда прежде не испытывал он такой необъятной тоски.

«Это разлука... Разлучение... – чувствовал он. – Но с кем? Почему мне так больно? Если бы я не постыдился слез, я заплакал бы».

Он смотрел на озаренное Луною синее ночное небо, на дымчатые облака, светлеющие на темном его фоне.

– Луна! – прошептал он. – Не убивай нас!

И затаившись, сдерживая дыхание, долго вслушивался в окружающий его мир и в самого себя. Но ни извне, ни изнутри не услышал он ответа. И тогда он понял, что все это осиянное ее светом пространство мертво и бесполезно к мертвому обращаться, ибо оно не способно понять ни тоску, ни печаль, ни слезы, потому что и слезы горячи и текут из видящих глаз; оно безразлично к живой жизни... И он, мальчик, тоже всем безразличен и никому не нужен.

«А может, и действительно лучше умереть, ведь тогда уже ничего не будешь чувствовать?» – подумал он.

И вдруг губы его как бы сами собою позвали:

– Мама!

И сразу она явилась из этого слова, шагнула к нему в комнату, но не такая, какую была теперь, а далекая, прежняя, когда еще не было в лице ее хищного оскала и руки ее часто бывали с ним нежны, а голос так бережно называл его уменьшительным именем.

Она наклонилась к нему – ведь он был тогда мал ростом, присела перед ним на корточки, красивая, ослепительная, в нежно-сиреновом переливчатом платье, остро пахнувшая апельсином и духами, сунула ему в рот дольку апельсина и стала перезастегивать курточку его бархатного костюмчика, потому что он застегнул ее не на ту пуговицу и от этого одна пола получилась выше другой. И пока она перезастегивала пуговицы, жуя апельсин, дыша совсем рядом с его подбородком горячим, вкусным, свежим дыханием и вдруг брызгая на его голую шею мельчайшими капельками апельсинового сока и слюны, он разглядывал ее лицо, веки, глаза, ресницы и вдыхал запах ее волос.

И он почувствовал к ней такую нежность и такую глубокую сильную любовь за эту заботу о нем и за то, что она, такая ласковая и так чудесно пахнувшая, – его мама, что, не зная, как ему выразить ей эту любовь, он прижался своим лбом к ее лбу, но вдруг застеснялся своей нежности и от стеснения стал смеяться.

А потом они вошли в широкую, празднично заполненную множеством людей аллею старого парка, где деревья были высоки, и зеленые, просвеченные солнцем кроны столетних кленов блестели в морском ветре, где пахло травой, цветами и доносились откуда-то, щекоча ноздри, томные запахи жарящегося мяса и горячего черного кофе, и возле глиняных мусорных урн, уже переполненных, были накинаны кучи из пустых сигаретных пачек, ломких пластмассовых стаканчиков и разноцветной оберточной бумаги от шоколада и мороженого, и где вдали звучала музыка. Это был рай. И сквозь набегающее на них мелькание ярких нарядных платьев и светлых рубашек, вдруг сойдя с ума друг от друга, они поплыли, то касаясь земли, то паря над нею, в ту сокровенную часть парка, где под грохот музыки крутились карусели, самолеты, летающие тарелки, чертовы колеса, взлетали на стальные горы и мчались по наклонным виражам желтенькие вагончики с визжащей ребятней, скрипели качели, светились зелеными, красными, синими огнями игровые автоматы, прятались за загородками лотерейные столики, и завершала все это, уходя в бесконечность, линия детской железной дороги.

Они плыли рядом. Он и она. Держась за руки.

А больше ничего не было.

Но он почувствовал тогда, что они движутся к счастью, что счастье – там, за аттракционами, за деревьями, за детской железной дорогой, что оно где-то очень близко и сейчас они увидят его...

Внизу на набережной не было ни души. Легковая машина уехала. Залив и небо сияли голубоватым седым блеском. И мерцал вдоль побережья белый спящий город. Маленькая черная тень беззвучно скользила по светлой плоскости залива, пересекая темные полосы ряби, черная тень, острая, как иголка.

«Глиссер...» – подумал мальчик.

«Вот что я сейчас сделаю!» – сказал он себе.

Босиком на цыпочках он вышел из комнаты, стараясь не заскрипеть половицами паркета, миновал короткий коридор, слыша, как доносится из спальни львиный храп Арсена, отворил дверь в прихожую – при повороте она вдруг часто, звонко затрещала, как трещотка. И сейчас же он затворил ее за собой. Кромешная тьма окружила его. Вытянув вперед руки, ощущая темноту ладонями, которые от напряжения стали горячими, он медленно пошел сквозь нее, делая маленькие осторожные шаги и припоминая расстановку вещей.

Наконец правая ладонь коснулась стены, заскользила по холодным шершавым обоям вниз, дотянулась до округлой горизонтальной поверхности. Это был тот самый, нужный ему круглый столик на одной-единственной ноге. Не отрывая ладонь от его поверхности, мальчик

прижался к кромке столика животом. Теперь у него появилась возможность искать сразу двумя руками. И вот пальцы натолкнулись на пластмассовый корпус телефонного аппарата. Одну руку положив на клавиатуру наборных кнопок, другой он снял с рычагов трубку, и сразу темнота озарилась долгим протяжным гудком. Мальчику показалось даже, что благодаря звучанию гудка в этой полнейшей тьме вспыхнуло нечто очень яркое.

Боясь, что гудок разбудит Фому и Арсена, он поскорее прижал трубку к уху, высчитывая цифры кнопок, набрал семизначный номер.

И поплыли из слепящей сияющей тьмы, проникая в самую глубину мозга, знакомые, чуть хрипловатые гудки.

Мальчик замер. Сердце билось в его груди так громко, сильно, размашисто, что ему почувствовалось, будто сердце у него стало очень большим.

Далеко за пределами этой не проницаемой зрением тьмы, в комнате, где с длинной тонкой рейки никелированного карниза ниспадал до самого пола водопад белых прозрачных занавесей, где на красно-розовых с золотом китайских обоях он знал каждый нарисованный тюльпан, цвет тюльпана, количество лепестков на нем, сейчас оглушающе громко, точно аварийный пожарный трезвон, гремел телефонный аппарат.

«Сними же трубку! – мысленно произносил мальчик. – Мне хочется услышать твой голос. Сними, пожалуйста!»

И вдруг гудки прекратились.

Мальчик вытянулся в струну.

И прошла еще одна вечность, самая сладостная.

– Какая сволочь не дает спать ночью! – прохрипел в самое лицо мальчику голос господина Сугутова.

Темнота дохнула тяжелым алкогольным дыханием. Мальчик смотрел в нее широко раскрытыми обожженными глазами и не мог сказать ни слова.

Наконец возле его уха взорвалось грязнейшее ругательство, и потекли один за другим короткие частые гудки.

Мальчик положил трубку на рычаги телефонного аппарата.

И опять он увидел свою маму. Опять она шагнула к нему из темноты.

Но теперь она была другая. Бледное, почти белое лицо ее блестело жирными косметическими кремами, припухлые губы от обилия помады казались испачканными кровью. Он увидел ее слезливые и одновременно испуганные глаза и услышал ее путаную речь. Она и раньше любила выпить, но для веселья, для радости, для игр и проказ. Она вообще любила веселье. Как умела она танцевать! Как кружилась под музыку, и как широко, разноцветно, с ветром летела вокруг ее быстрых ног просторная юбка! У нее всегда были яркие, дорогие наряды. И мальчик знал, что она очень красивая. Так все говорили. И так говорил отец. Но теперь она пила тяжело, мрачно, с жадностью. Вздвигаясь походила она по квартире, хватая руками предметы, переносила их с места на место, а глаза ее делались быстрыми, лихорадочными. Вдруг со слезами подбегала она к резному распятию, недавно ею купленному, и начинала причитать: «Верую! Верую! Отче наш, иже еси на небесех... – и в ужасе замолкала. – Не помню, как дальше! Что мне делать? Я не знаю ни одной молитвы!?» То неожиданно прижимала мальчика к себе, и против его воли насильно осыпала его горячими мокрыми поцелуями и сейчас же принималась обвинять в том, что он недостаточно любит ее, что он жестокий, черствый, неблагодарный сын. В такой момент она могла ударить его, и если била, то била очень больно. С пустым отвлеченным лицом и погасшими глазами она садилась на ковер, некрасиво расставив ноги, и долго неподвижно сидела, оглядывая комнату снизу вверх жалобными глазами, как глядит снизу вверх на человека побитая им собака, наконец открывала пластмассовую баночку с таблетками, выкатывала ее содержимое на ладонь... Господин Сугутов подскакивал к ней, и белые таблетки рассыпались по темному ковру.

– Хватит жрать успокоительное! – кричал он. – Ты потом становишься вялая и сонная!
– Вадим! – произносила она тихо, повинно. – У меня страх! Я не могу больше бояться!

Господин Сугутов опускался рядом с нею на ковер, обнимал ее голову широко раздвинутыми пальцами обеих рук и, глядя ей в глаза, говорил:

– Чего ты боишься?

– Я боюсь смерти, – шептала мать. – Я боюсь уродства тела. Боли. Небытия. Я боюсь перестать быть такой, какая я есть. Я боюсь своего страха.

– Это все, чего ты боишься? – спрашивал господин Сугутов.

– Вадим, спаси меня! Спаси нас! – шептала мать; рыдания подступали к ее горлу. – Ты так богат! Умен! Ты все можешь!

Она бросалась на ковер ничком, прическа ее распалась, черная тушь с ресниц текла по ее щекам темными полосами.

– Спаси! Спаси! Спаси нас! – задыхалась она.

Господин Сугутов поднимал ее за трясущиеся плечи, подхватывал на руки и уносил в спальню, в мир розово-золотых обоев и белых занавесей, и захлопывал за собой дверь, чтобы мальчик не мог войти в комнату и увидеть то, что в ней происходит. Но мальчик знал – там, за дверью, на широкой низкой кровати, всегда расстеленной, господин Сугутов срывает с матери одежды. И мальчику в эти минуты хотелось убить господина Сугутова.

Спустя полчаса мать выходила из спальни в сверкающем шелковом халате, надетом на голое тело, и, не поднимая глаз, тенью проплывала мимо мальчика в ванную комнату. Стыдливая улыбка мерцала на ее лице.

Потом господин Сугутов и мать сидели в гостиной за журнальным столиком в креслах и пили спиртное из хрустальных рюмок.

– Я понял бы твой страх, если бы тебе пришлось умереть одной, – красивым низким голосом говорил господин Сугутов. – Страх смерти от того, что именно ты умираешь, а остальные остаются жить. Он от обиды, от зависти перед теми, которые будут наслаждаться жизнью, тогда как ты станешь кормом для червей. Но теперь не будет такой обидной смерти. Будет всеобщий конец. Всех и всего. Не только человека – ни одной зеленой ветки дерева не останется! А если все вместе и сразу, то это уже не смерть, а судьба. Это уже над смертью, потому что все! Потому что первые уравниены с последними. Я всю жизнь делал капитал. Я сделал крупный капитал. И его не станет. Но есть такие, у кого капитал в тысячу раз превосходит мой, и, значит, они в тысячу раз больше потеряют. Но есть и над ними некто больший. И у него тоже ничего не останется. Но есть еще и нечто величественное – культура и знания, накопленные людьми за тысячелетия. И это все тоже исчезнет. Чего же бояться? Мистерия, к всеобщему разочарованию, заканчивается полным провалом, пустым залом, даже аплодисментов не последует. Даже надгробную речь произнести будет некому. Но... И вот это «но» больше для меня сейчас, чем мой капитал и вся мировая история! Есть твои ноги – их линии, твои губы – их жар и холод, твоя кожа – ее нежность, и я хочу питаться этим до последнего часа. Потому что знаю: там, куда приду, этого не будет.

– Ты меня любишь? – вдруг робко спрашивала мать. – Меня саму?

– Разве это не ты?

– Но во мне есть еще что-то... Еще, Вадим... Другое... И я не знаю, любишь ли ты это другое. Но как я хочу, чтобы ты полюбил! Полюбил так же, как любил Александр.

Александр – отец мальчика. И мальчик знал, что сейчас произойдет – после того, как мать сказала: если бы ты любил меня, как Александр.

– Я не боюсь смерти, но я желаю, чтобы уговор между людьми соблюдался, – с внезапным раздражением, тихо, но жестко выговаривал матери господин Сугутов. – Уговор был прост: это имя не произносится! Я – рядом с тобой. Я – обладаю тобой. А его нет. Его нет нигде. И уже никогда не будет.

– Прости, Вадим! – начинала лепетать мать; лицо ее принимало плаксивое неискреннее выражение. – Я оговорила. Я не хотела тебя обидеть. Если бы ты увидел меня молодой, полной сил и азарта, полной блеска, все было бы по-другому. Я знаю – всё!

И мальчику становилось стыдно за мать и горько за погибшего отца...

Арсен по-прежнему громко храпел, а Фома спал тихо, неслышно. Никто из них не проснулся от того ругательства, которое выкрикнул в телефонной трубке господин Сугутов.

Постояв с минуту в темноте, мальчик вернулся в комнату.

Яркий горизонтальный овал большого окна, пестрый, точно просвеченная листва дерева, горел перед ним за узорчатыми портьерами. Комната была мягко залита лунным светом; лишь углы ее были темны, и темные тени обрисовывали выпуклости мебели. Голографическая карта на стене переливалась черным блеском.

Мальчик снял со спинки стула переброшенные через нее джинсы, вынул из кармана янтарь, подошел к окну и посмотрел сквозь янтарь на Луну.

Доисторический жук, распластаный в прозрачной глубине янтаря, увеличился до размера сияющего лунного диска, шевельнулся, дернул лапками и глухо простонал:

– Как мне больно не двигаться!

И глядя на его шевеление, мальчик вспомнил о кошке, которую он убил прошлой весной.

Это получилось и не намеренно, и не случайно – как будто в тот момент злая нетерпеливая сила вселилась в мальчика и его руками все совершила.

Кошка была очень красивая, с густой блестящей шерстью, разноцветная – белые, черные, серые, дымчатые пятна украшали ее, а от вкраплений яркого рыжего цвета присутствовало в ней что-то огненное. Свернувшись кольцом, положив на лапы голову, она нежилась на солнце. И мальчику очень захотелось, чтобы покой ее нарушился, чтобы она перестала нежиться. Почему его возмутило то, что она наслаждается теплом солнца и при этом сама такая яркая, красивая? Ведь кошка никак не мешала ему, не причиняла ему никакого неудобства. Но при взгляде на нее у него даже зачесались глаза и ладони. И он громко присвистнул, желая спугнуть ее. Но она не ушла, а лишь презрительно посмотрела на него узкими желтыми глазами. И тогда мальчик схватил камень и бросил его в кошку.

Он не думал, что он в нее попадет.

Но он попал. И в первое мгновение, когда он увидел, что попал в нее, радость возликовала в его душе. Однако кошка от попадания не кинулась прочь, как он ожидал, а вдруг перевернулась и неестественно изогнула спину. И тогда мальчик понял: ей очень больно.

Он подошел к ней и, наклонившись над нею, понял еще и то, что не кто-то другой, посторонний, а именно он виновник той боли, которой она в эту секунду мучается. Внезапно ему стало очень жалко ее, и он испытал тяжелое отвращение к самому себе и своим рукам, бросившим камень. И все же тогда он еще не предполагал, что убил ее, он думал, что лишь сделал ей больно и потому он должен теперь сделать для нее что-то доброе, чтобы искупить ее страдание.

Он отнес ее в школьный подвал и положил на мешковине у теплой трубы. Потом он купил ей молока. И она чуть попила молока. Но на следующий день она уже не могла пить. Он обмакивал ее мордочкой в блюдце с молоком, но она не пила. И только белые капли оставались на ее носу и усах. Тело ее обмякло, голова сама не держалась на шее. И тогда он понял, что она умирает. Он просидел с нею в подвале весь день, прижимая ее к себе, к своему животу, пытаясь часть своей жизни передать в этом прикосновении ей, но сила его жизни не переливалась в нее: на его руках кошка становилась... мертвой. И он не мог, как ни старался, задержать эту уходящую из нее жизнь. И тогда мальчик заплакал. Он плакал, нежно лаская умирающее животное. И как хотелось ему теперь, чтобы вновь она могла греться на солнце, нежиться, жмуриться, такая яркая, красивая!

Мальчик отнес трупик кошки на берег залива и похоронил там. Но в душе его остался болезненный след, который так и не зажил, хотя потом настало новое время, время Луны, и он увидел много смерти, и уже не только животных, но и людей.

Мальчик зажал янтарь в кулаке, приблизился к письменному столу и долго смотрел на большую свадебную фотографию, стоявшую на столе на подставке. Эта фотография белела в сумраке так заметно оттого, что на ней рядом с Арсеном, одетым в черный парадный костюм, была его жена – в тот день еще его невеста – в белом подвенечном платье, тонкая, как бы вся состоящая из пышного платья, темных волос и огромных глаз.

«Завтра что-то должно случиться со мной, – думал мальчик. – Как это странно, что всегда есть вчера, в котором уже ничего нельзя исправить, и завтра, о котором ничего не знаешь!»

Справа от фотографии возвышалась стопка конвертов, в каждом из которых было запечатано по письму-счастью.

И вдруг мальчик ясно понял, что письма эти никак не могут менять судьбу человека, потому что судьба человека – тайна, а это всего лишь аккуратно переписанные одинаковые тексты на клочках бумаги. Он вспомнил лицо Фомы, сказавшего ему: «И ты в это веришь?»

«Как я глуп!» – подумал мальчик.

Он взял стопку конвертов, подошел к окну, повернул раму – она поворачивалась горизонтально на оси; из открытого пространства залива в лицо мальчику повеял прохладный ночной воздух. И мальчик стал выкидывать письма в окно. Они кувыркались в воздухе, уменьшаясь по мере удаления.

Так бросал он их и смотрел им вслед, как улетающим птицам...

И бросая, слышал, как рядом с ним Арсен говорит Фоме:

– Она – память человечества. В ней хранится все знание о том, что совершено людьми. Поэтому нет человека без воды и все воды соединены. Я об этом думал еще в молодости, а потом долгие годы занимался тайно, никому не говорил о своей догадке, не публиковал своих исследований – боялся ошибиться. Напряжение памяти я проставил на карте цифрами. Когда-нибудь в последнем преображении вода отдаст память. Но это будет не смерть, а роды. И с тех пор перестанет называться водой земною.

Мальчик открыл глаза и увидел, что он лежит под одеялом на своей постели, Фома и Арсен стоят рядом с ним спиной к нему возле голографической карты и в комнате светло и от света просторно.

Глава 5

В девять часов утра старик и мальчик снова вышли на морскую набережную. На гладкой голубой воде вдоль берега пунктирными линиями белели чайки. Чуть затуманенный горизонт нежно синел. И было так тихо, что звуки шагов, отражаясь от стены дома, звонко повисали во влажном воздухе.

Пустая набережная просматривалась далеко вперед. В неровностях асфальта блестели лужи. То тут, то там валялись, привлекая взгляд, потерянные пояса от плащей и курток, вывернутые наизнанку дамские сумочки, туфли без каблуков, продавленные шляпы, осколки разбитых бутылок. Но все эти свидетельства ночных событий, здесь разыгравшихся, принадлежали как бы только городу; едва взор обращался к заливу – свобода и чистота открывались ему.

Путники достигли Центрального спуска к морю, повернули вправо и пошли вдоль реки, мимо одинаковых бетонных небоскребов, поставленных на равных расстояниях друг от друга. Между вторым и третьим из них находилась площадка, где были запаркованы автомобили.

– Я подброшу тебя до дома, – сказал старик мальчику.

– Можно мне сесть за руль? – спросил мальчик.

Старик кивнул.

Мальчик сел в потертое кожаное кресло, повернул в замке зажигания ключ – мотор сразу завелся, – коснулся ногами стальных педалей, и старый джип, подчиняясь мальчику, послушно выкатил из-за ограды на свободу и, набирая скорость, помчался по набережной реки, через мост, оставив позади пожарище, черневшее на месте сожженной театральной сцены...

Возле подъезда своего дома мальчик затормозил.

– Не забудь: два комплекта одежды, теплая куртка!.. И возьми еще что-нибудь, что ты сам хочешь иметь с собой, – крикнул старик мальчику. – Завтра в десять утра я сюда подъеду.

– Я понял, – ответил мальчик.

Джип развернулся.

Мальчик провожал его взглядом до тех пор, пока он не исчез за поворотом.

И сразу словно легкая тень накрыла мальчика.

«Я не знаю, на сколько дней мы уходим в море, – размышлял он, поднимаясь в лифте. – Но им наверняка все равно на сколько. Они даже будут рады тому, что я оставлю их вдвоем».

Он вошел в квартиру.

И услышал голос господина Сугутова:

– Не жалко денег, но отдавать их шарлатану, который в душе будет смеяться над тобой!..

– Он не шарлатан! О нем много писали! И серьезные издания, – взволнованно отвечала мать. – К тому же он не просто гипнотизер, он – доктор магии, знаток тайных знаний... К нему трудно попасть. Но я не могу больше выносить эту муку! Мне чудится, я схожу с ума. Зачем я нужна тебе такая? Я вся скована. Подавлена. Страх клубится в моем сердце. Его нет только тогда, когда я сплю. Но я просыпаюсь, и как только я чувствую, что уже не сплю, он наваливается на меня, как чудовище. Полетим в Гималаи! Пусть он избавит меня от страха. Ведь жить осталось так мало! Несколько месяцев!

Она замолчала и вдруг заговорила быстрой рваной речью, так что слова, спотыкаясь, насакивали друг на друга:

– Но ведь... этого не может быть... чтобы только несколько месяцев! Это так мало! Ложь! Просто этот ужасный город пугает меня! Я уверена: есть где-то место, где ничего этого нет... криков, бреда, отчаяния. А есть тишина. Любовь. И люди там не сошли с ума, а живут, как прежде. Надо только найти это место, спрятаться в нем, переждать.

– Феденька! – воскликнула она, увидев сквозь проем открытой двери мальчика, который проходил в свою комнату. – Подойди ко мне!

Мальчик вошел в спальню.

– Где ты был все это время?

– С Фомой, – ответил мальчик.

– Вы были у Фомы за городом?

– Нет. Здесь, у Арсена.

– Я хочу тебя поцеловать.

Мальчик опасливо приблизился к матери и сразу ощутил тонкий, будоражащий ноздри, запах духов, которыми она была надушена. И еще тяжеловесные запахи вина и шоколада, которыми дохнуло из ее рта.

Она наклонила свою плохо прибранную голову к плечу мальчика – густые с редкой проседью волосы кое-как были заколоты шпильками – и не поцеловала сына, а сильно потерлась лбом о его плечо.

Она сидела на низкой кровати, широко расставив колени, сверкающий шелковый халат распахнулся, и были видны исподние поверхности ее бедер, усеянные отметинами от поцелуев господина Сугутова.

– Правда, ночь была ужасная? – промолвила мать, не отнимая своего лба от плеча мальчика и продолжая с силою прижиматься к нему. – Так страшно кричали! А я не знала, где ты...

«Лучше мне сейчас ничего не говорить ей», – подумал мальчик.

Он погладил мать по голове и неожиданно ощутил, как ее руки, тело, голова болезненно задрожали.

– Только не покинь меня! – прошептала она, быстро поднялась и, рыдая, выбежала из комнаты.

Мальчик и господин Сугутов остались вдвоем.

И мальчик почувствовал, как воздух в спальне делается все тяжелее, гуще и вдыхать его, втягивать его в легкие становится все труднее.

Господин Сугутов молчал. В сером махровом халате, он стоял неподвижно возле стены.

– Что делал твой отец, когда она плакала? – вдруг спросил господин Сугутов.

Мальчик не ответил.

– Почему ты не смотришь на меня?

Мальчик поднял голову и посмотрел ему в лицо.

– Вас было трое... – промолвил господин Сугутов, прошелся по комнате и отодвинул рукой занавеску.

Тишина сгустилась.

Прямо над головой этажом выше с рассыпчатым звоном разбили что-то большое, стеклянное.

– Всякий дом полон памяти о прошлом, – заговорил господин Сугутов, глядя в окно. – Я вторгся в вашу память как иноверец, как чужак.

Завтракали в молчании.

Мать приготовила завтрак, не используя покупные готовые блюда и консервы, – она умела готовить очень вкусно. Красиво, живописно разложила она еду по тарелкам, разлила в стаканы сок, сварила кофе, но господин Сугутов не промолвил ни одного слова, и от этого есть и пить было мучительно. И еще было что-то безнадежное, обреченное в том, что мать не прибрала себя к завтраку – осталась непричесанной, без косметики, в помятом халате. И глаза у нее были опухшие от слез, а руки дрожали так сильно, что это было заметно, когда она брала нож или подносила ложку к губам.

– Не надо на меня смотреть, – хрипло произнесла она. – Я знаю, что выгляжу ужасно.

Господин Сугутов и теперь не проронил ни слова. Не спеша он допил свой кофе, отер губы салфеткой, встал из-за стола и сказал, как будто ни к кому не обращаясь:

– Собирайтесь!

Мать взглянула на него снизу вверх испуганно, не понимая, что значит его требование.

– Лучшее платье, туфли, украшения. Все – светлое, – спокойно проговорил господин Сугутов. – Мы летим. Но не к шарлатану в Гималаи. Мы летим в мое поместье. На юг. Там не будет ничего, что смогло бы возбудить в тебе страх.

– Вадим... – глухо проговорила мать.

– Хочу видеть радость на твоём лице, – сказал господин Сугутов. – И чтобы она была только от меня.

Мальчик сидел в своей комнате за письменным столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.